

Виктор Николаевич Прутов:

Отец Василий жил недалеко от кладбища в проулке. Сначала он ездил на мотоцикле «Ява», а потом купил «Жигули» «копейку». Как-то раз зимой, холодина на дворе стояла, приехали старушки на службу из Североуральска, а после службы просят отца Василия: «Отвези нас, батюшка, домой». И он ночью, в мороз вез этих старушек за семьдесят километров в Североуральск туда, и обратно семьдесят километров, это после всенощной-то и в темень. Как он добирался домой, не побоялся, вдруг, что с машиной случится? Такой безотказный был.

В 1986 году к нам на приход приезжал владыка Мелхиседек, и получился у отца Василия с Владыкой какой-то конфликт, после которого отец Василий уехал в другую епархию, говорили, что во Владимирскую, в Ковров. После него совсем немного служили у нас отец Иван Голдич и после него отец Андрей Иванков.

Иерей Василий Губаль и владыка Мелхиседек возле Казанской церкви. Вокруг Владыки стоят певчие. 1987 г.

Архиепископ Мелхиседек (Лебедев) с 1975 по 1984 – архиепископ Берлинский и Среднеевропейский, патриарший экзарх Средней Европы. С 1984 по 1994 – Свердловский и Курганский, затем Екатеринбургский и Верхотурский.

При архиепископе Мелхиседеке произошло обретение честных мощей святого праведного Симеона Верхотурского, изъятых из Верхотурского монастыря властями в 1920 году.

В год празднования 1000-летия Крещения Руси Владыка обратился к государственным властям с просьбой о

возвращении святыни.

25 мая 1989 г. по освящении храма Всемилоственного Спаса на Елизавет (микрорайон Екатеринбург), состоялось перенесение мощей во вновь освященный храм, а 24 сентября 1992 года - в Верхотурье.

По благословению владыки Мелхиседека в Екатеринбургской епархии впервые в России началось открытое почитание Святых Царственных страстотерпцев, как местно-чтимых святых.

23 сентября 1992 г. на месте дома Ипатьева, в котором в 1918 г. большевики убили Царскую Семью, был заложен первый камень будущего Храма-на-Крови.

7 июля 1991 года на Ганиной Яме, на месте уничтожения останков святых Царственных страстотерпцев, установили первый крест. 17 июля 1992 г. на Ганину Яму был совершён первый архиерейский Крестный ход.

Отец Андрей Иванков

Татьяна Ивановна Жукова, прихожанка:

В январе 1988 года мы с подружкой, собиравшейся крестить свою дочь, зашли в Казанскую церковь узнать, как и когда можно совершить крещение младенца.

Служба заканчивалась, и батюшка с амвона говорил проповедь. В тот год на приходе служил отец Андрей Иванков

Проповедь отца Андрея мне запомнилась. Он говорил, как мне показалось, очень уж резко:

- Вы живете, как свиньи! Люди не должны заботиться только о том, что поесть, что попить и как получше обустроиться материально.

И еще несколько раз повторил, что люди живут, как свиньи.

Я вышла из храма в недоумении и очень удивлялась тому, что батюшка обзывает людей свиньями.

Протоиерей Андрей Иванков, в 2000-х гг. благочинный Красноуфимского округа

Со временем я узнала, что свинья – это евангельский образ. В Евангелии не однажды упоминаются свиньи. Когда Спаситель изгнал бесов из гадаринского

бесноватого и бесы перешли в стадо свиней, отчего все стадо бросилось с крутизны в море, так же и в притче о блудном сыне, когда беспутно растратив свое наследство, человек был готов есть то, что давали свиньям.

По толкованию святых отцов, свинья не имеет шеи и не может поднять голову к небу, а смотрит исключительно в землю, потому и человек, терзающийся только заботами дня, и не вспоминающий о Боге, уподобляется этому животному.

Майя Александровна Литвина:

Отец Андрей все хотел нас научить. Ругал. Выслушает два-три человека на исповеди, выскочит и давай нас отчитывать: «Это что такое?! Это грехи что ли?! Давайте мне свои грехи!», в том смысле, что говорите о своих грехах, а не рассказываете о других, о соседях, о родне, какие они плохие.

И такая его напористость помогала.

Вскоре, великим постом 1989 года приехал отец Игорь. Помню, стоял солнечный день, когда я первый раз его увидела, мы в тот день наводили порядок во дворе церкви, траву старую сгребали, листья. Он подошел, посмотрел, чем мы заняты. Ушел.

При отце Игоре мы очень часто собирались на субботники. Как хозяин он был непревзойденный. Через два года батюшка с семьей на полгода уехал, и на это время стал настоятелем отец Константин.

Отец Константин говорил на проповеди:

- Вы очень много делаете второстепенного. Главное – литургия, исповедь и причащение, а у вас – ой, свечка! Ой, святая вода!

Это всё – да. Но это все - вспомогательное.

Давайте будем стоять на литургии, и давайте будем в храм ходить.

Татьяна Ивановна Жукова, певчая:

В 1989 году полгода служил в Казанской церкви иерей Константин Скроботов, приехавший на периферию из Москвы для рукоположения. Говорили, что власти в лице уполномоченных по делам религии препятствовали рукоположению священников, особенно в крупных городах. При нем в церковном активе помощником старосты был Л.В. Субботин, казначеем А.С. Соловьёва, членом ревизионной комиссии М.А. Важенин. В конце восьмидесятых годов политика государства в отношении к церкви изменилась, и старосту из прихожан уже не избирали, а председателем приходского совета был священник, в тот год - отец Константин Скроботов.²

Майя Александровна Литвина:

Когда нас посещал Владыка, это было прекрасное событие, все его ждали. Владыка Мелхиседек приезжал со своим хором. Молодые дьякона его, ох, как пели! В нашей церкви народ тоже любит петь. Как-то было принято, что прихожане вместе с хором пели почти всю литургию, кроме разве что Херувимской. И на архиерейской службе тоже давай петь, да, только сунутся, а не туда. Дьякон машет: нет, не пойте! Мы замолчим, они сами поют, потом махнет нам: а вот это - ваше, пойте. Так что мы пели на литургии и при Владыке.

Он приезжал на наш приход часто и многих знал в лицо: это - Краснотурьинские, это Волчанка, это Североуральцы. Люди подходили к нему группами и он, оглядев их, спрашивал, где у вас эта, где у вас та? Всех благословлял.

В алтаре прислуживала Федора Алексеевна, говорят, что ее Владыка благословлял или даже постригал в алтарницы. Её стараниями там все блестело, и был порядок.

² Иерей Константин Скроботов служил в Казанской церкви г. Карпинска с октября 1991 по март 1992 года

Алтарница Феодора Алексеевна

Майя Александровна Литвина:

В шестнадцать лет Федору отдали в прислуги в семью, где она нянчилась с детьми, пекла хлеб и управлялась по хозяйству.

Однажды зимой хозяин привез с рыбной ярмарки к себе домой людей, что приехали с севера, откуда-то из-под Архангельска. Увидели поморы Федору и решили взять её в жены своему сыну. Поставили хозяину чекушек: «Отдай нам девку!». Он и отдал.

Поехала Федора с поморами в дальний край. Вышла замуж, муж её - парень молодой, рыбным промыслом занимался, двух детей нажили. Так с поморами и жила, пока муж ее не утонул во время бури в водах студеного Белого моря.

Осталась она одна, и хотелось ей вернуться к своим родным, но об этом и думать было нечего.

Места того северного края в весеннее половодье постоянно затоплялись. Большая вода в наводнение не просто подбиралась к домам, подтопляла их землю, но поднимала все, что могла унести, и уносила. Местные жители, смекалистые и мастеровитые русские мужики, заранее строили свои избы в расчете на то, чтобы они всплывали.

И в ту весну натаскала Федора в избу дров на две недели, продукты заготовила, какие могла - подготовилась к плаванию. Изба могла место поменять, и тогда её не перетаскивали - так на новом месте и оставались жить.

На этот раз унесло её избу далеко.

Только представить: изба по реке плывет, из трубы дым идет, на печи двое ребятишек и баба в доме на коленях у икон.

Наконец вода спала, изба остановилась, вокруг никого. Пошла Федора местность разведывать, нашла деревню. Пустили её туда жить. Один ребенок у нее умер, дочь (?) осталась. Несловоохотлива была Федора; в больших подробностях не рассказывала о себе. В то время чего только люди не переживали.

Обносилась одежда ее до крайности, уже только лохмотья висели - дали ей люди мешок из рогожи, по современным понятиям, картофельный мешок. Она его распоролла, выварила и сшила себе кой-какую кофту и рада была.

Когда стала Федора Алексеевна старая, немощная, и я бывала у нее в гостях, она просила меня читать ей вечернее правило. К вечеру силы её оставляли – уже стоять не может от усталости, но чтобы уснуть без молитвы - нет!

И вот я одной рукой держу её за воротник, а в другой руке у меня журнал с молитвами, молитвословов-то у нас не было. Только дочитаю, она тут же падает на кровать.

Ростом Федора маленькая была, просто малюсенькая, но сильная. Все рамы на лето в церкви мы выставляли и уносили в церковный дом на второй этаж. Они тяжеленные. Как-то отец Игорь пришел: «Что это рамы у вас всё еще стоят? Не можете втащить?» Я ему: «Нет, не можем. Это только Федора может».

Почти сто лет прожила Федора Алексеевна.

Икона Божией Матери «Знамение» на левом клиросе Казанской церкви

Отец Игорь Котомцев

Максим Владимирович Савчук:

Отец Игорь спросил у прихожан, нет ли у кого из них знакомых музыкантов. Моя бабушка откликнулась, и мы с папой пришли в церковь. Мне тогда было одиннадцать лет. Мы поднялись на колокольню, но прежде, чем звонить, сначала нам пришлось почистить колокола. На них давно никто не звонил, и все колокола, от большого до маленького, были сильно испачканы голубями.

Первый раз мы попробовали звонить на тех веревках, что оставались на колоколах, но было неудобно, тогда связали их по-своему. Сначала вместе с папой, а потом я уже один забирался на колокольню и в тишине раннего воскресного утра начинал звонить в большой колокол.

Служба начиналась с восьми утра. Двенадцать мерных ударов большого колокола предворяли перезвон. Как только первый гулкий удар почти стихал, раздавался второй, за ним третий. И все новая и новая волна колокольных ударов сменяла друг друга. Затем шел легкий перезвон минут на десять.

После литургии, часов в одиннадцать, я звонил на маленьких колоколах сначала медленно, потом быстрее и заканчивал очень-очень быстро.

Со временем, чем больше я играл, тем интересней получались рисунки звонов. На праздники, в Крещение, ночью, мороз, а холодно не было. Батюшка освящал воду

на улице, бабушки снизу мне давали знак рукой, когда останавливать звон.

В церкви сохранились, и отец Игорь нам показывал, маленького формата тоненькие, старые, еще дореволюционные книжечки, где нотами были записаны колокольные партии.

До начала 1990-х годов в здании церкви оставался второй вход, который заставили сделать в советское время пожарники. Отец Игорь убрал его, приведя церковь в тот вид, что был у нее изначально.

Протоиерей Игорь Леонидович Котомцев, личный секретарь митрополита Красноярского и Ачинского Пантелеимона, настоятель Свято-Троицкого собора г. Красноярска:

Указ о своем переводе из Красноуфимска в Казанскую церковь города Карпинска я получил 11 апреля 1989 года. Приехал на свой новый приход под Великий Четверг и в тот же день служил всенощную.

Несмотря на то, что я родился и вырос в Серове, до этого в Карпинске никогда не был.

Приехали мы с матушкой поездом из Свердловска, на вокзале нас встречал Воинков – человек преклонных лет с большой белой бородой в шлеме и кожаных крагах. Он приехал на мотоцикле с коляской. Погода стояла хорошая - весна, солнышко, ехать на мотоцикле мы с матушкой отказались и пошли пешком, тем более, что церковь находилась рядом: от вокзала вышли на Советскую улицу, повернули направо, немного прошли, и вот она Казанская – стоит на горке с синим куполом и колокольней.

В церкви было темно: одно окно, то, что на левом клиресе, наглухо закрыто изнутри металлическими ставнями, а с улицы деревянными. Вместо второго окна по правой стороне стояли двери. Открытым было только окно у свечного ящика и еще одно за загородкой правого клироса. К тому же стены церкви были выкрашены в темно-синий цвет.

Покосившиеся ворота, деревянный тротуар, доски которого – на один конец наступаешь, другой чуть ли не бьет тебя по лбу – все это дополняло внешнюю картину.

Как народ встретил? Народу было много, встретили хорошо, приехали прихожане с Волчанки и из Краснотурьинска.

Казанская церковь со стороны ул. Первомайской

В 80-х годах еще имела место строгая система регистрации священников местными исполнительными органами. Сначала священнослужитель получал регистрацию у уполномоченного по делам религий области и потом с этим документом шел в исполнительные органы того места, где находился его приход. Уполномоченной в Карпинске в 1989 году была Наумова. Но, поскольку с 1988

года уже чувствовалось некоторое послабление в отношении церкви со стороны государства, и если раньше было бы немислимо не пойти в горисполком тот час же по прибытии, тут ситуация была несколько иная, и я сразу за регистрацией не пошел, тем более, что вечером мне предстояла служба Великого Четверга.

На вечерней службе собралось много народа, мы отслужили. На завтра: утром - литургия, вечером - чтение двенадцати Евангелий, в пятницу – вынос Плащаницы, и, наконец, Светлое Христово Воскресение – Пасха. Так что идти к уполномоченной мне было некогда.

Сразу после Пасхи мы с матушкой уехали в Красноуфимск, чтобы забрать детей, собрать вещи и переезжать в Карпинск. В тот год Пасха была 30 апреля, а на следующий день 1 мая валил снег, и мы шли, брели буквально по колено в глубоком снегу на вокзал.

Поселились в церковном доме на Лесопильной улице, где до нас жил отец Андрей Иванков.

Начались службы, и одновременно мы стали проводить работы по благоустройству территории вокруг храма, делать внутренних ремонт.

На территории храма стояла баня, строили ее когда-то для священников, которые жили в церковном доме, но было понятно, что в ней давно никто не мылся, и использовалась она как сарай. Решили ее снести и увидели, что в ней лежит разобранное старинное паникадило из храма, а в храме вместо паникадила висела люстрочка. И первое, что начали делать вместе с людьми на приходе в части ремонта и благоустройства – это восстановление паникадила. Сейчас паникадила в церквях электрические, но старые, дореволюционные, были на свечах. Стали его собирать, увидели, что часть элементов не хватает, и обратились на Рудоремонтный завод за помощью. Мастер литейного цеха Николай Клат организовал работу по изготовлению моделей и отливке утраченных элементов. Таким образом, завод

помог вернуть старинный светильник в храм. Прихожанин Михаил Важенин сделал лебедку, для того чтобы можно было паникадило опускать, чистить его блестящие медные части и всё остальное на этом многосоставном светильнике от пыли и копоти и затем поднимать его наверх. Лебедку поместили на чердаке, достали трос, провода, на рынке искали длинные лампочки с маленьким цоколем и так далее, надо отметить, что в то время ничего нельзя было так просто купить – царил так называемый дефицит, всё надо было доставать. Но вот, всё сделали, и паникадило на 36 свечей теперь вспыхивало всеми лампочками во время богослужения.

На территории храма вместо сгнившего тротуара положили тротуарные плиты, которые приход купил на Карпинской хлопкопрядильной фабрике.

Приближалась юбилейная для храма дата – 150-летие, и хотелось сделать за оставшиеся два года как можно больше. Но так как в то время никаких программ по восстановлению церкви не было, все приходилось делать своими силами. Решили позолотить кресты на церкви - позолота на них за полтора века стерлась и потускнела. В ювелирном магазине купили сусальное золото. Потом нашли кран, и сняли кресты сравнительно легко. Проблема возникла, когда надо было поставить кресты на место. Это ведь снизу смотришь, кажется, что они маленькие, но кроме самого креста еще и штырь, с помощью которого крест вставлялся в отверстие купола.

Тяжелые, в рост человека кованые кресты мы запаковали в сшитые Марией Морозовой из полотенец мешки, и в купейном вагоне поезда «Карпинск – Свердловск» с ее мужем Николаем повезли на золочение. Увезти – увезли. Проходит месяц, два, полгода – работа не идет. Тогда церкви восстанавливались по всей стране, кроме крестов приходы обращались с заказами позолотить иконостасы, иконы, так что позолотчики были нарасхват.

Кованный крест XIX века на куполе Казанской церкви

Но, наконец, через полгода позолотили наши кресты. Мы их привезли, и встал следующий вопрос, как поднять кресты на место.

Под Михайлов день, 20 ноября, я пришел домой со службы, сижу, обедаю на кухне и вижу в окно, что в «Горгаз», который тогда строил свое здание, пришел автокран с люлькой. Я обед бросил и огородами вышел к рабочим. Сказал водителю, что нам надо установить крест на купол церкви. Срядились недорого, приехали, я крест в люльку поставил и сам в эту люльку залез. Поднимает меня шофер, а я думаю: «Достанет – не достанет? Достанет! Или не достанет?». Остановилась люлька в полуметре от купола, но что делать, кресты уже месяц, как привезли, их надо ставить, раз, наконец, появилась возможность. Вылез я из люльки: одна нога на куполе, другой ногой на край люльки опираюсь и в руках крест килограмм сорок-пятьдесят весом, который нужно не просто поднести к куполу, а поднять его так, чтобы завести конец штыря в небольшое отверстие. Но с Божьей помощью – поставил.

Внизу люди уже идут на всенощную, снежок на земле лежит – крест на месте!

В 1990-ом продолжали работу: штукатурили стены, белили, красили. Обратились в кооператив, тогда только начали появляться во множестве частные предприниматели. С одним из них договорились, отдали, как они потребовали, всю сразу немалую сумму денег, завезли они песок, еще что-то – и пропали. Я – в администрацию к Грамматику, он мне: «Зачем вы поверили? Надо было все сначала о них узнать!» Нашел он нам другую компанию, опять заплатили деньги, но тут городская администрация хотя бы выступила гарантом договора. Сделали ремонт в храме, покрасили стены в белый, слегка розоватый цвет, наверху стен, где переход к потолку, по трафарету, что вырезал Николай Морозов, нанесли рисунок: листья и гроздья винограда, напоминающий, что виноградник – символ народа Божия, что Сам Господь Бог в Своем Слове уподобил народ Божий саду, винограднику.

В последующие годы дважды во славу Божию, совершенно бесплатно, делала ремонт в храме, штукатурила и красила в алтаре наша прихожанка из Краснотурьинска Нина Таныгина, по профессии маляр.

Еще одна задача стояла - вернуть церкви ее первоначальный вид, убрать второе крыльцо. Во время ремонта вторые двери заложили кирпичом, оставив проем окна, как было при постройке храма, вставили раму и даже нашли те первоначальные решетки, которые на этом окне когда-то стояли. Колокола на колокольне имелись, слышал я, что А.Ф. Воинков их когда-то из металлолома вернул.

В целом мы сделали всю первоочередную и основную работу, но осталось еще одно - поставить крест на колокольню. Автокран с люлькой до нее не доставал – высота колокольни 32 метра. Пошел я в пожарную часть, мне там говорят: «Купите нам телевизор – поставим вам крест». Обратился в Краснотурьинск к Сысоеву – он выделил кран «КАТО». Кран пришел, а в ворота не проходит. Мы только недавно старые покосившиеся

деревянные ворота заменили на новые, металлические. Зять Морозовых, Владимир Рыбаков, их сварил и установил. Пришлось срезать верхнюю часть, чтобы мог пройти кран. Но у крана нет люльки, а есть только крюк. Тогда нашли старую двухсотлитровую железную бочку, пробили два отверстия, навязали шестерку проволоку, повесили ее на крюк. Залез в бочку на этот раз рабочий, дали ему крест и вот так, тоже рискованно, но с Божьей помощью установили крест и на колокольню.³ Перед покраской только с колокольни сняли четыре мешка голубинового помета.

Мы были зависимы от всех: от власти (киловатт электроэнергии для населения стоил 4 коп, для церкви – 25 коп), и от любого человека, наделенного хотя бы малейшими полномочиями. Поэтому мы могли только просить, чтобы нам за наши церковные деньги продали бы то, что было в то время крайне дефицитным. В свободной продаже ничего не было. Краску белую и краску для пола доставали на базе ОРСа. Пошел я в ОРС, представляюсь, говорю, как и везде, куда еще приходилось обращаться, начиная с того, что вот так и так: храму скоро сто пятьдесят лет – помогите! Нигде не отказывали, и здесь, пожалуйста, все выписали: и белую, и коричневую – деньги только заплати и получи.

Начиная со времени правления Хрущева, политика в отношении церкви была такой, что нельзя было без разрешения властей ни белить, ни красить, никакого вообще производить ремонта. Крышу перекрывать – тоже нельзя. Таким образом, храм ветшал, доводился до состояния, когда он признавался властями аварийным и закрывался. Метод борьбы был простой.

³ Когда красили шпиль, то нанимали специалиста-высотника В. Чефранова, а купол, красили молодые прихожане Сергей Трунов, взявший в пожарной части страховочное снаряжение, и Павел Головков – прим. Т.Ж.

Прихожане у Казанской церкви, 2000 г.

Заменяли мы в храме все старые аналои, сделали новые. Изготовил их и украсил резьбой Сергей Морозов. До этого в церкви стояли каркасные аналои, на клиросе – большой стол-тумба для книг и нот, панихидный стол, на которые так же, как и на жертвенник и на престол, стоящие в алтаре, надевалось облачение из ткани. Даже один комплект облачения – целый тюк, и все надо было перестирать, погладить, подштопать, отремонтировать. К тому же всё облачение было очень старое.⁴ А ведь этих облачений еще было и несколько комплектов: на пост – черное, на Пасху и на Вознесение – белое, на Троицу – зеленое, на Петров пост – желтое, на Казанскую и Успение – голубое. Так что когда Сергей Морозов сделал аналои, панихидный стол, тумбочку для водосвятного молебна, большой аналой на клирос, не требовавшие юбок из ткани – это было огромное облегчение. Сергей же сделал заново под один вид левый и правый клиросы. Вырезал голубя на левый клирос.

На Крещение в первый год моего служения освящали воду в бачках, выварках, флягах, бидонах, собирали все, что есть. На следующий год заказали на Машзаводе четыре больших бака из нержавеющей стали. За деньги все делали, шли навстречу.

Пока в Красноуральске не было своей церкви, руководство Дворца культуры БАЗа в большие праздники, такие, как Рождество и Пасха, обращались ко мне с просьбой выступить у них перед праздничным представлением со словом, потом и Карпинский дворец также приглашал меня как священника.

Бывал я и в детском саду. Таисия Григорьевна Смагина заведовала детским комбинатом номер четыре «Золотая рыбка», ее дочь была там методистом. Сама Таисия

⁴ Облачение было, видимо еще то, что шила матушка Мария Воронцова – прим. Т.Ж.

Григорьевна - прихожанкой нашей церкви. На Рождество и Пасху они организовывали детские праздники и приглашали меня. Пойти куда-то по своей инициативе священники тогда не могли. Я приходил на утренники, рассказывал доступным языком детям о праздниках, о том, что такое Рождество Христово, что такое Светлое Христово Воскресение - Пасха. Дети готовили стихи и сценки. Был я у них в рясе, в кресте – чтобы не просто какой-то дяденька с бородой пришел, а они уже знали, что это священник.

Отец Игорь Котомцев в детском саду «Золотая рыбка»

Большую помощь нашей церкви оказывал директор Богословского алюминиевого завода Анатолий Васильевич Сысоев, пожертвовавший Казанской церкви запрестольные крест и икону, дарохранильницу, семисвечник, крест напрестольный, фонарь, подсвечники в храм, товар в лавку: иконы, свечи, книги. Тогда же, оплаченные заводом пришли, дополнившие храмовое убранство, оклады на престол и жертвенник. В те же годы, и это тоже была примета времени,

когда А.В. Сысоев отмечал свой юбилей, то меня как священнослужителя пригласили на торжество. Воспользовавшись ситуацией, я обратился к Анатолию Васильевичу с просьбой организовать для священнослужителей Северного благочиния - Серов Карпинск, Краснотурьинск, Североуральск - паломничество на Святую землю. И это все тоже было впервые, потому что еще несколько лет назад получавшие регистрацию и разрешение на служение у городских и областных властей священники, не могли и помыслить побывать на Гробе Господнем. Он откликнулся, и в течение года поездка была организована, правда в силу обстоятельств сначала отказался Серов, потом Североуральск, и в итоге в сентябре-октябре 1995 года я поехал в Иерусалим один.

На нашем приходе было много отзывчивых людей, которые готовы были тут же помочь. Помогала Лидия Яковлевна Якимова, когда надо было что-то решать с городской администрацией, с дирекцией разреза. Она всюду ходила, договаривалась. Именно Лидия Яковлевна добилась того, что мы через семь лет, после того, как приехали в Карпинск, получили свое собственное жилье.

Галина Прохорова и Мария Морозова были основными помощницами в исполнении всех задумок настоятеля по благоукрашению храма.

Зинаида Кочнева исполняла обязанности председателя приходского совета и она же пекла для церкви просфоры. До нее просфоры пекла Мария Заремба. Екатерина Цимбой была казначеем. При всех последних священниках до меня в алтаре прислуживала Федора. Она хорошо знала службу, много не разговаривала, можно сказать, вообще не разговаривала, все делала четко: кадило разожгла, кадило подала, в алтаре – порядок, а саму ее было не видно, не слышно. Ей уже тогда было за восемьдесят. Потом ее заменила Анна Ивановна Иванова (Анна Ивановна умерла в Беларуси 08.03.2012 года в возрасте около 96 лет - прим. Т.Ж.). Галина Прохорова была

безотказная. Она знала, куда с каким вопросом в городе обратиться, и сама во всем помогала. Работала при мне на церковной лавке. Сестра ее Полина хорошо готовила, была поварихой, когда Владыка Мелхиседек приезжал, мы ее приглашали готовить обед.

Мария Морозова, Галина Прохорова и Лидия Якимова – это были бессменные помощники, все организовывали, везде ходили, все, что надо покупали, выписывали.

На праздники Мария Морозова, как никто, умела украсить иконы. Она была в этом искусница. Принесет цветочки, зелень морковки, мальвы - это летом. Зимой – еловые ветки, домашнюю декоративную зелень, дикий виноград, еще что-то. За два часа до службы придет, все разложит, свяжет, прикрепит на проволочный каркас. Иконы на аналоях у солеи, справа и слева – Богородицы и Спасителя, и праздничная икона на центральном аналое – всегда были в праздники украшены, на Плащаницу она плела красивые венки.

Отец Игорь с матушкой Людмилой и сыном Петром, 1995 г.

Много цветов храму жертвовали хозяева магазина «Азиз» Ильхамовы Джафар Масудович и Алефтина Андреевна. Они всегда помогали цветами: на Рождество – гвоздики, на Пасху – розы. Тогда цветы возили из Узбекистана, Азербайджана, с Сочи, и в разные сезоны – разные цветы. Это не то, что сейчас из Голландии в любое время года - какого хочешь цвета розы. В летний период Джафар и Алефтина выращивали цветы сами, начиная с апреля топить теплицы, и жертвовали нам очень много цветов.

В праздник Крещения Господня Николай Морозов с сыном Сергеем привозили с реки на своем УАЗике напиленный кирпичиками лед, и ставили возле церкви ледяной крест. Возле креста мы устанавливали баки с водой, все четыре, общей вместимостью больше 10-ти кубов. Уже ночью после Великого освящения воды люди начинали разбирать святую воду - Великую агиасму, и к концу дня, сколько в баках воды оставалось, все надо было выбрать, перенести один бак в церковь, вылить туда оставшуюся святую воду - зимой на улице её не оставишь.

Мария Морозова, Мария Другова, Раиса Кузьмина, Людмила Плахонина, Галина Кузнецова, Тамара Семинихина и другие женщины на морозе, на церковном дворе, сначала ковшиками, потом из крана весь день раздавали людям святую воду.

Была в церкви еще одна постоянная большая забота – отопление храма. Без конца выписывали и покупали уголь и дрова. Привезут – все надо в сарай перетаскать, дрова, если не колотые – наколоть. Уголь в основном шел низкокалорийный, золы много, зимы холодные, уже в ноябре часто температура опускалась до минус 30 и ниже – только на ночь по 10-15 ведер угля набирали. Нужны были сторожа, и всю их работу надо было организовать, а еще снег убирать. И Галина Прохорова все организовывала.

Работали сторожами Мария Окунева, Тамара Ухова, Татьяна Бендрик, и еще Лидия Яковлевна Якимова иногда заменяла уходивших в отпуск сторожей.

Приезжала на уборку храма Анна «Мишина» (Модина) из Краснотурьинска, она же работала сторожем. Работали и другие, имена которых, к сожалению, уже забылись. В основном это были очень пожилые женщины. Из мужчин помогали Николай Морозов и Михаил Важенин, иногда, очень редко, приходил Георгий Бажин, при мне он уже совсем старый был.

Проявляла свое участие и Раиса Францевна Медер, заместитель главного врача, главный хирург - очень занятый человек, но находила время бывать на службах.

Классен, директор первого подсобного хозяйства, Ельчищев, директор второго подсобного, давали навоз и пиломатериалы, Виктор Щербина, открывший магазины «Богословский» и «Благодать» выделял подарки для прихожан ко дню пожилого человека, и в праздники – ученикам воскресной школы.

Иерей Антоний Елин, бухгалтер Марина Балина, сторож Тамара Ухова, певчая Татьяна Жукова, 1999 г.

Крестный ход к Собору, 1997 г. Фото В.В. Суворина. Крайняя слева в первом ряду Татьяна Александровна Бендрик, много лет помогавшая в храме. При отце Игоре она стояла у подсвечника, подавала кадило, в 80 лет легко одной рукой выносила набор на литию.

Лидия Яковлевна Якимова

Лидия Яковлевна Якимова родилась 14 февраля 1918 г. в деревне Маслово Верхотурского уезда Пермской губернии. Училась в медицинском училище в Кабаковске (Серове), которое закончила в 1939 г. Вышла замуж, родилась дочь Элла Николаевна.

**Лидия Яковлевна
Якимова,
Карпинская ЦГБ,
1978 г.**

Приехала на работу в Карпинск, где с 1939 по 1989 г. работала сначала в должности заведующей детскими яслями, затем, председателем комитета Красного креста, с 1978 по 1989 г - в Центральной Городской больнице инструктором по санпросветработе. Была прихожанкой Казанской церкви.

Умерла в день праздника Крещения Господня - 19 января 2007 года.

Протоиерей Игорь Котомцев:

За время моего служения в Карпинске, до начала 1994 года, когда владыку Мелхиседека сменил епископ Никон (Миронов), архиепископ Мелхиседек был у нас в церкви не единожды.

Один раз он служил у нас Успенским постом на праздник обретения мощей святителя Митрофана Воронежского.⁵

Владыка Мелхиседек - из белого духовенства. Он проникался нуждами священников. Понимал, что в семье могут быть свои неурядицы. Без крайней необходимости не переводил священников с одного места на другое. Взыскивал с духовенства строго, но подходил к каждому индивидуально. Видел, где есть вина, а где просто надуманный повод для жалоб. Была и у нас конфликтная ситуация, когда я и церковный актив приехали разбираться к Владыке. Еще до недавнего времени священник полностью зависел от приходского совета той церкви, где он служил, подчинялся ему во всех административных вопросах, а тут время изменилось, и я делал самостоятельно то, что считал необходимым. А люди, состоявшие в церковном активе, привыкли за много лет к иному положению. Я уже и сам стал проститься уйти с этого прихода и перейти на другой.

Приехали мы к владыке Мелхиседеку, сидим у него, он всех выслушал и говорит:

- Не устраивает вас священник? Хорошо. Я вашего батюшку забираю, дам ему новый приход – у меня приходы есть, а вы – выбирайте любого, - архиепископ развел руками, повернувшись в сторону и указывая на пустое место. – Какой вам понравится - выбирайте любого. Я ему дам указ и направлю в Карпинск.

Члены двадцатки, приехавшие в епархию просить другого священника, не ожидали такого поворота. Вся система назначения священников на приход до конца 1980-х годов была другая. Архиерей назначал, но окончательное решение принимал уполномоченный. Вся власть на приходе была у старосты и церковного актива. А тут вдруг все изменилось.

⁵ Большая икона свт. Митрофана Воронежского находится в Казанской церкви на иконостасе возле северных дьяконских врат.

Все растерялись и молчат.

- Я ему дам приход! У меня есть приходик, а вы будете ждать, когда у меня освободится какой-нибудь священник, - архиепископ Мелхиседек говорил с ними резко.

И я опять вернулся в Карпинск.

В свой приезд в 1990 году Владыка после службы остановился у нас в доме, хотя сначала думал отдохнуть в другом месте, чтобы не доставлять беспокойства и хлопот нам, так как у нас только что родился третий ребенок. Но, где остановишься? Накануне он со своими людьми ночевал в гостинице в Краснотурьинске, и всю ночь Владыка не спал, потому что, понятно: он – монах. А что такое гостиница?

У нас в доме Владыка Мелхиседек был между службами. Мы ему говорим:

- Владыка, пойдёмте, чай попьём.

А он прошёл во двор и дальше в огород, где у нас стояла беседка, сел на лавочку, тепло, лето, отвечает нам:

- Нет, нет! У вас ребенок – я здесь посижу. Вы, не переживайте!

У Владыки была отличная память. Он знал многое из богослужебных текстов, тех, что читает и поёт клирос на всенощной. Некоторые стихиры из Октоиха и Миней он знал

наизусть. И когда певчие ошибались и пели не ту стихиру, он мог им об этом сказать.⁶

В 1993 году у нас родилась дочка, и когда архиепископ Мелхиседек приехал в Карпинск служить в Казанской церкви, мы попросили его, чтобы он стал её крестным. В праздник Воздвиженья Креста Господня владыка Мелхиседек служил литургию в Серове. Я сослужил Архиерю, а отец мой вез матушку с ребенком на машине из Карпинска в Серов, чтобы крестить младенца.

Служба закончилась, Владыка мне говорит:

- Пойдемте крестить.

- Владыка, - обращаюсь к нему. - Они еще не приехали.

Сотовой связи тогда не было, и не узнаешь, почему они опаздывают, и когда вообще приедут. Но Архиепископ совершенно спокойно отвечает:

- Хорошо. Будем ждать.

И как был в облачении, так и сидел в крестилке и спокойно ждал, пока мои с ребенком не подъехали. Через полчаса, наконец, привезли дочку и владыка Мелхиседек её окрестил.

В 1995 году я поехал в свое первое паломничество в Иерусалим. Заменял меня на службах, бывший в то время за штатом и живший в Серове, архимандрит Лука (Сентяпов).

⁶ В 1993 году в Краснотурьинске в церкви вмч. Пантелеимона на всенощной под Воздвиженье Креста Господня шла служба с Архиреем. Я была на этой службе и видела, как в один из моментов всенощного богослужения, когда хор пел стихиры, южные двери открылись, и на клирос вышел Владыка, говоря певчим:

- В прошлом году вы не то спели на «Славу» и сейчас опять не то поёте!

После чего встал вместе с хором и пел с ними до конца все стихиры.

– прим. Т.Ж.

С отцом Лукой я был знаком с детства. Отец Лука служил в Серове с начала 1970-х годов, сменив отца Фрола Бандеку, которого перевели в Магнитогорск.

Положение церкви в те годы было такое, что причащать детей не разрешалось без родителей, бабушка не могла привести внуков на причастие. Привести могла, но если бы при имеющемся постановлении властей, священник в отсутствии матери или отца причастил бы ребенка, это являлось основанием лишить его регистрации, запретить служить. Уполномоченный забирал регистрацию, и архиерей ничего не мог сделать, никуда не мог направить священника служить, ни на один приход. В таких условиях служил отец Лука.

Отец Лука, 2000- е гг.

Отец Лука любил, чтобы на службе было благозвучное хорошее пение и четкое, внятное и правильное чтение. И сам он хорошо пел. Он приехал из Лавры, где все: и службы, и пение, и чтение - все было образцом, к которому можно было по мере сил стремиться на приходах. Много, что касается годовых служб, можно было увидеть, как он служит, запоминалось то, что не было прописано в уставе - вынос Плащаницы, погребение Плащаницы, вынос Креста на Крестопоклонную неделю.

Четыре службы в году он всегда служил ночью: Рождество Христово, Крещение, службу Великой Субботы и Пасху. Когда я стал постарше, отец Лука отправил меня во время каникул в Троице-Сергиеву Лавру, сказал к кому там обратиться, где остановиться. И лет с 13-ти и до армии я на зимние и летние каникулы уезжал в Троице-Сергиеву Лавру. Сейчас

понимаю, что, когда он был жив, было некогда увидеться с ним лишний раз - семья, службы, заботы. Но я благодарен ему за то многое, чему, что касается служения, научился от него. Как и благодарен за то, что он направил меня в Лавру, где я имел возможность видиться и разговаривать с такими отцами, как Кирилл Павлов, отец Наум, наместник Троице-Сергиевой Лавры епископ Евсевий, мог учиться у священников старого поколения, прошедших войну и гонения.

После празднования 1000-летия крещения Руси с 1988 года пошел наплыв крестин, венчаний.

До ста пятидесяти человек крестилось в один раз. Летом в хорошую погоду крестили прямо на улице. В церковном дворе расстилали половики, выносили купель.

Отец Игорь совершает крещение в Казанской церкви, 1990

Зуев Вячеслав Юрьевич, г. Екатеринбург:

Я крестился в 1989 году. До этого заходил в храм, видел, что молодежи там вообще нет, одни старики. Первый раз всю службу отстоял – понравилось. Шел домой с огнем –

значит, это была служба Великого Четверга, чтение двенадцати Евангелий.

Когда пришел на крещение, народу было много, хорошо запомнил несколько фраз отца Игоря.

- Половина из вас, из тех, кто здесь стоит, - сказал батюшка, - даже символа веры не знает!

Все молчали, переглядывались.

- Попробуйте, кто-нибудь расскажите Символ веры! Скажите, хотя бы, зачем вы пришли креститься?

И опять все молчали, а батюшка действительно был прав, когда говорил, что сейчас многие приходят креститься не по вере, а по моде. И еще он хотел тогда половину народа разогнать, но, всё же, оставил всех и окрестил.

Протоиерей Игорь Котомцев:

Великим постом по сто и больше человек исповедовались, потому что, кроме наших прихожан, до 1993 года ездили люди из Краснотурьинска. До двенадцати ночи шла исповедь. В шесть утра идешь в церковь на службу, совершаешь проскомидию, а потом опять исповедуешь. Литургия начиналась в восемь, часы, соответственно, читались с пол-восьмого.

Люди тогда пошли в церковь и стали приводить своих детей на воскресные службы. Само собой получилось, что мы открыли Воскресную школу, когда появилась необходимость заниматься с детьми, которые хотели больше узнать о Боге и о вере.

Я оставался с ними после службы, и мы проводили занятия в свободной форме. То, что нельзя было донести до детского сознания во время богослужения, разбирали на этих занятиях.

Родители сами мало чем отличались от своих детей, и не могли ответить на возникающие вопросы.

На занятиях с ребятами мы разбирали библейское повествование о шести днях творения. Не сразу до них

дошло, что в человеческом сознании «день» – это может быть двадцать четыре часа. А может быть то время, когда на улице светло – и это «день». А если на севере стоит полярная ночь, солнце не всходит, тогда что понимается под словом «день»? То есть понятие «день» может быть разным. В Писании сказано, что у Бога один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. Все это надо было объяснить детям так, чтобы они поняли. Но разобрались. А вот добиться, чтобы они понимали, что такое седьмой и восьмой день в Писании было сложнее.

Рассказываю, что в шесть «дней» Бог сотворил мир, в седьмой «день» Бог перестал творить. Седьмой «день» – это всё бытие человечества, длящееся и поныне, когда Бог предоставил миру жить и развиваться по установленному Им плану и законам. Говорю им:

- Завтра для нас будет первый день недели, когда после выходных мы снова пойдем в школу и на работу, но в Божественном домостроительстве это какой день?

- Первый!

Начинаю объяснять с начала, но уже на других примерах. Наконец, с Божией помощью добились. Потом они понимали это. А сейчас опять спрашиваю:

- Так какой сегодня день?

- Седьмой! – отвечают дружно.

- А восьмой «день» будет?

- Будет! – кричат с места хором.

- Когда он будет? – смотрю на них вопросительно, ожидая, что же скажут. Сначала один, потом другой:

- Когда будет Страшный суд!

Что касается истории России, мне запомнилось, что из тех наших ребят, что были постарше, учеников средних классов общеобразовательной школы, никто не ответил правильно на вопрос, сколько лет Русь жила под татаро-монгольским игом.

- Что вы сейчас проходите на уроках истории? - удивлялся я, что они не знают такого важного факта нашей истории. Все в один голос с воодушевлением:

- Великую Французскую революцию!

Не их вина, что на эту самую революцию, чтобы дети хорошо знали Робеспьера, конвент, гильотину и т.д., отводилось в школьной программе намного больше часов, чем на родную историю. О том, что Русь была под иноземным игмом, о том, кто вдохновил Дмитрия Донского на Куликовскую битву с татаро-монголами, о преподобном Сергии Радонежском, об этом в школьных учебниках говорилось совсем немного или вообще ничего.

Пятнадцать лет, как я уехал из Карпинска и служу в другой епархии, но до сих пор люблю иногда пересматривать рисунки детей той нашей воскресной школы, когда дети рисовали на листе, разделенном на шесть частей, шесть дней творения Богом нашего мира».

**Настоятель
Казанской
церкви отец
Игорь Котомцев
и ученики
воскресной
школы Аня и
Саша Жуковы.
Рождественская
сценка. 1995 г**

Анна Васильевна (Жукова) Назарова, учащаяся
Воскресной школы Казанской церкви 1993-1996 гг.:

В воскресной школе я занималась с семи лет. Писали мы немного, больше слушали. Помню, как батюшка объяснял нам, почему на епитрахили у священника шесть крестиков? Потому что священник может совершать только шесть из семи таинств.

Интересно проходили праздники. Они всегда были в церкви, всегда с подарками. Батюшка дарил нам шоколадки, книжечки. И если учились, как мы, брат с сестрой, то книжки всегда были разные, или Шимовы, их трое было – и у них тоже книги не повторялись. Учили мы к праздникам стихи, слова для сценок.

Помимо Закона Божьего, изучали устройство храма, одежду священнослужителей – облачения. Всех тем на занятиях касались, таких, как двенадцатые праздники, жития святых.

Чтобы мы знали не только свой день Ангела - дату, но и историю жизни своего святого, батюшка давал нам задание найти и выучить жития своих небесных покровителей. Так как о моей святой, о пророчице Анне, сказано в Евангелии только несколько слов, я должна была найти житие и рассказать о княгине Анне Кашинской. Помню, как Люба рассказывала про Веру, Надежду, Любовь и мать их Софию. Но кто-то ничего найти не мог, ведь тогда не было интернета, литературы церковной не было, это сейчас – изобилие информации. А про Анну Кашинскую мы тогда в отрывном календаре её краткое житие нашли.

Отец Игорь рассказывал нам про устройство храма, объяснял, что храм делится на три части. И мы с тех пор знали, что есть алтарь, есть притвор, а есть - средняя часть, которая так и называется – храм, а не зал.

Учили названия облачения диакона – стихарь, орарь, поручи. Облачения священника - риза, или фелонь, епитра-

хиль, поручи; награды - палица, камилавка, набедренник. Подризник - он белый, надевается на литургии, подрясник – черный с узкими рукавами, ряса – с широкими рукавами. Помню, что на контрольной я не знала, что принесла в храм Богородица на Сретение, а надо было написать - двух голубей.

Конечно, нам повезло, что с нами занимался сам батюшка, что он находил для этого время. Занятия проходили интересно, они запомнились на всю жизнь, но иногда мы были рады, если появлялась возможность прогулять. Как-то раз к нам приехала бабушка, и мы сбежали с уроков в воскресной школе домой.

Людмила Тимофеевна Корионова

Биографическая справка:

Людмила Тимофеевна Корионова (Василькина) родилась 27 мая 1939 г., и была пятым ребенком в семье Тимофея и Юлии Василькиных, приехавших в 1930-х годах в Свердловск из мордовского села Повадимово.

Отец её работал на заводе, мать развозила молоко на лошадке по детским садам. Во время Великой Отечественной войны отец погиб под Ржевом. После войны мать с детьми приехала в Карпинск. Заканчивая 10 классов в школе рабочей молодежи, располагавшейся в 1950-х годах в нынешнем соборном доме на улице Луначарского, Людмила познакомилась со своим будущим мужем Геннадием Корионовым. Вышла замуж в 1959 г. Родились дети Марина и Андрей.

Работала в детском саду воспитателем, а после окончания в 1969 г медицинских курсов при Горбольнице, медицинской сестрой в детских яслях № 25 на улице Ленина. В 1972 г уехала с семьей на Крайний Север, где 20 лет также трудилась в детском саду медсестрой. По возвращении с Севера с 1993 года пела на клиросе Казанской церкви.

Зинаида Павловна Кочнева

Биографическая

справка: Зинаида Павловна (Соколова) Кочнева родилась в марийской деревне Кужер 16 октября 1923 г. в семье Павла и Марины Соколовых. У родителей их было четверо детей,

Зинаида - старшая. Отец воевал на Великой Отечественной войне и пропал без вести.

С 18 лет Зинаида работала в пекарне заведующей, потому что была грамотной. В 1948 году приехала в Карпинск, устроилась в столовую, буфет УРСа. Вышла замуж, родились дети: в 1950 – сын Валентин, в 1951 – Константин, в 1954 – дочь Екатерина. Работала в котельной сначала Леспромхоза, затем Карпинской хлопкопрядильной фабрики. С начала 1960-х годов стала ходить в церковь, с 1980-х работала просфорницей. Умерла 7 мая 2007 года.

Ольга Викторовна Манаенкова, учащаяся Воскресной школы Казанской церкви 1993-1996 гг., прихожанка Богословского собора г. Карпинск, внучка Зинаиды Павловны Кочневой:

Бабушка рассказывала мне, что бывало раньше в сочельник перед Рождеством Христовым до первой звезды на небе православные люди ничего не ели. И мне хотелось вот так же, как бабушка, выдержать весь день и ничего не кушать до первой звезды.

С утра бабушка начинала стряпать и еду на стол не ставила, весь день пекла в русской печке пироги и, когда все было готово, мы собирались и шли к батюшке угостить его большую семью стряпней.

Когда мы пришли к батюшке в дом, то он нас встретил, поблагодарил и угостил своими гостинцами. Мы вышли от него на улицу радостные и счастливые возвращались к себе домой. Пока мы ходили, на улице потемнело и, наконец, на небе появилась первая звездочка. Мы зашли с мороза в наш натопленный и наполненный ароматом булочек дом, бабушка поставила на стол необыкновенно вкусную вареную картошку. Мы поели и пошли в церковь на службу Рождества Христова.

Богомольные старушки все подходили и подходили, в церкви было уже полно народа. Бабушка отправила меня на балкон - там в самый раз: и свободно, и видно все хорошо, устанешь – можно посидеть на ступеньках лестницы, а сильно устанешь - можно полежать среди свернутых ковров, что лежали на балконе. После службы бабушка меня будила, и мы шли на праздничную трапезу в церковный дом.

Бабушка лет десять работала в церкви просфорней. Когда она пекла просфоры, то надевала все белое: рубашка у нее была белая, фартук белый, платочек белый и полотенца белые – как будто праздник. А мне она давала молитвослов, чтобы я читала в это время молитвы. Я читала, что пойму, что не пойму. Хотя у самой бабушки было всего четыре класса образования, она объясняла мне, как то слово читается, как другое, что за значки над сокращенными словами, и так я научилась. Могла потом на любой иконе надписи прочесть. Я даже думала, что все умеют читать по церковно-славянски, до того для меня это было обычно.

Николай Егорович Морозов

Биографическая справка:

Николай Егорович Морозов родился 9 сентября 1918 г. в семье Георгия Яковлевича и Татьяны Родионовны в д. Озереве Струго-Красненского волости Псковской губернии.. В семье было шестеро детей: Ольга, Петр, Михаил, Вера, Николай и Надежда.

В 1930 году семью Морозовых раскулачили и выгнали из дома. Николай с отцом уехали работать в Ленинград, откуда в 1935 г. они были высланы на Урал.

Жили в трудовом поселке Симоновский (Галка) Надеждинского района.

Николай Егорович работал в Мехлесопункте нарядчиком-нормировщиком, затем слесарем. В 1950 году построил в Карпинске дом и переехал с Галки в город. Работал в Леспромхозе мастером, механиком, с 1961 принял базу техснаба, где трудился 12 лет, затем - медником в гараже.

Входил в церковную двадцатку Казанской церкви.

Умер 23 января 2013 г.

Мария Филипповна Морозова

Биографическая справка:

Мария Филипповна (Чернявская) Морозова родилась 6 июня 1923 года в семье Филиппа Ивановича и Александры Петровны Чернявских на хуторе Лопатина Балка Кушевского района Краснодарского края (до июня 1924 года - хутор Лопатина Балка, станица Кушевская, Ейский отдел Кубанской области)

Родители отца, Иван Васильевич и Ирина, родом из Таганрога, вырастили двенадцать сыновей и две дочери, держали кирпичный завод и маслобойню, имели локомотив. Родители матери Петр и Ирина Иванченко родом из Черниговской области.

Отец Марии Филипповны был старостой и пел на клиросе в Кушевской церкви. Когда в 1929 году церковь в Кушевке закрыли, и батюшку посадили в тюрьму, Филипп Иванович ездил в Москву к Калинину с просьбой разрешить открыть у себя молебный дом, на что Калинин ответил, что поезжай домой и молись в углу, чтобы никто не слышал, иначе тебя расстреляют.

В 1929 г. отца забрали, и вскоре всю семью с детьми (Николай – 12 лет, Мария – 7 лет, Прасковья – 5 лет) раскулачили и выслали на спецпоселение на Северный Урал.

С 14 лет, с 1937 г., Мария Филипповна работала рассыльной на Нижнем складе, потом на почте, где возила за 20 км по лесу в любую погоду посылки, письма, переводы, газеты, одна управляясь с лошадей. Работала завхозом в школе и более 30 лет в Леспромхозе.

В 1940 году вышла замуж за Морозова Николая Егоровича. С 1941 по 1959 год родились семь детей: дочь Люся (первая) – умерла в восемь месяцев. В 1942 - Александр – мичман на флоте, в 1945 - Валентин, в 1949 г. Василий – полковник, закончил военное училище и Военную академию, преподавал в танково-артиллерийском высшем военном училище, в 1951 – Любовь, работала в больнице, в 1953 – Сергей – художник-оформитель, владелец багетной мастерской, 1959 – Людмила – секретарь руководителя машиностроительного завода.

С 1960-х годов постоянно ходила в Казанскую церковь. Вместе с мужем Николаем Егоровичем состояла в церковной двадцатке.

Умерла 14 августа 2010 г.

Майя Александровна Литвина:

Семейство Морозовых, Николай и Мария, много трудились для храма. Где только они брали силы и время. Это была красивая многодетная пара. У них было шестеро детей. Мария Окунева, наша сторожиха, не однажды говорила: «Мне бы такого мужа, как Николай, я бы десять детей родила».

В церковном хозяйстве обойтись без них было невозможно. Николай следил за иконами. Раз в году он осматривал каждую икону. Если икона в киоте, смотрел, надежна ли петелька, и крепко ли держит крючок, крепко ли сидит гвоздь в стене. Он содержал в порядке церковный инструмент, а инструмента было много.

Когда алтарница Федора состарилась и уже не могла прислуживать в алтаре, то Мария чистила всё алтарное. Батюшка выносил семисвечник, запрестольные иконы из алтаря, она приходила, всё начищала, мыла лампы, обтирала иконостас, следила за чистотой икон. Если внутри храма на стене появлялась трещина на штукатурке, она умела

так замазать и закрасить, что стена становилась красивой и свежей.

В холода, чтобы натопить храм, только за ночь сжигали по 12-15 ведер угля, и печка быстро теряла вид. И к каждому празднику Мария подкрашивала печки «серебрянкой».

**Николай Егорович и Мария Филипповна Морозовы,
Карпинск, 2005 г.**

Нина Михайловна Таныгина

Биографическая справка:

Нина Михайловна (Куранова) Таныгина родилась в д. Владимировка (красивая, в тридцать три дома, деревня) Октябрьского района в Татарии в праздник

Пресвятой Троицы 12 июня 1939 г в семье колхозника-единоличника Михаила Наумовича Куранова. Отец в колхоз не вступал, и его лишили всего хозяйства. В 1941 году он ушел на Великую Отечественную войну, пришел в 1946 израненный, но живой. Мать Агафья Егоровна в 1943 г. на Рождество Пресвятой Богородицы умерла от воспаления легких в возрасте 37 лет. Остались дети: сыновья Алексей и Василий, 1927 и 1930 г.р., дочери Александра и Нина 1936 и 1939 г.р. В 1944-м Алексей в 17 лет добровольцем ушел на войну, воевал на Дальнем Востоке с японцами. Василий после войны уехал работать на Урал. Александра жила у бабушки, а четырехлетнюю Нину взяла на воспитание сестра матери.

Бабушка был набожный. Внуки видели, как он молился. Когда он выходил из своей комнаты-кельки, Нина любила после него подходить к иконам. Как она вспоминает, необыкновенная радость была у нее тогда на душе. Но в церковь она пришла только в 1989 г., когда потеряла на Камчатке сына.

В 1954 в 15 лет Нина закончила семилетку. Училась хорошо, хотела поступать на бухгалтера в Казань, но жили очень бедно (в 1954 году она еще ходила в школу в лаптях),

помогать было некому. Поехала к брату на Урал в г. Краснотурьинск. Поступила учиться на маляра, и через 10 месяцев уже трудилась в бригаде маляров в Базстрое.

Вышла замуж за Таныгина Якова Ивановича, с которым работала в одной бригаде. Строили Горбольницу, Дворец культуры (ДК БАЗа), дома по улице Ленина, Заводоуправление БАЗа. Родилось четверо детей: в 1957 - Валерий, в 1961 – Сергей, в 1963 - Любовь, в 1964 - Игорь. Осталась одна с детьми, когда младшему сыну было три месяца.

Сын Сергей после армии получил специальность геолога, закончив сначала техникум в Иркутске, затем институт в Новосибирске. В 1989 году поехал по распределению на работу и пропал без вести на севере Камчатки.

В 1990-х годах Нина Михайловна очень много и безвозмездно помогала Казанской церкви, работая на ремонте храма. В настоящее время живет в Краснотурьинске и является прихожанкой Максимовской церкви.

Нина Михайловна Таныгина:

В 1994 году мы с матушкой Агнией, монахиней Покровского женского монастыря в Верхотурье, которая ездила со сбором пожертвований для монастыря, приехали в Карпинск в Казанскую церковь к отцу Игорю. У него как раз начинался ремонт, в храме меняли проводку.

- Батюшка, у вас ремонт? - спросила мать Агния, увидев отца Игоря.

- Да. Недавно начали, но денег, сама знаешь... Два миллиона восемьсот рублей запросили только за алтарь. Где их взять?

И тут мать Агния поворачивается ко мне и говорит:

- Нина! Помоги отцу Игорю!

Вот так я начала работать на ремонте Казанской церкви.

Отец Игорь благословил в первую очередь отремонтировать алтарь. С правой стороны в обоих окнах там был сильный грибок, стоял запах плесени. А слева, где жертвенник, мне пришлось топором вырубать, и довольно глубоко, стену, потому что там тоже все было поражено грибком. Пол в алтаре с левой стороны под жертвенником и с правой стороны возле окон снизу уже превратился в рухлядь, но сверху этого не было видно, доски были очень толстые. Я простукивала каждую половицу: постучу молоточком - где грибок, там другой звук, пустоты отзываются иначе, чем целая древесина.

Начало 2000-х гг. Идут со службы по ул. 8-е Марта постоянные прихожанки Казанской церкви (справа налево) Нина Михайловна Таныгина, Галина Александровна Андрианова, Екатерина Елисеевна Людвиг и одна из старейших прихожанок – Валентина Ивановна Бабина

Отец Игорь сказал тогда мне, что не всякий мужчина распознал бы, где под полом был грибок, но Господь помогал мне за молитвы батюшки.

Ремонтировала я алтарь три недели. Потом в самом храме штукатурила штрабы, после того как поменяли проводку, и красила.

Через три года, в 1997 году, отец Игорь опять собрался делать ремонт. И тут вдруг пришла в Казанскую церковь женщина, приехавшая к сестре из Запорожья. Она узнала, что будут красить в храме, и пообещала помочь. По специальности Алевтина была штукатур-маляр и работала раньше на Севере. Все внутреннее помещение храма до самого свода она отремонтировала и покрасила.

Когда я приехала в Карпинск, зашла в церковь, то увидела, что все выкрашено. Говорю батюшке

- Ну, вот, вы и закончили ремонт. Всё сделали.

А он мне в ответ:

- Не всё. Тебя ждет алтарь.

Причем ремонт алтаря надо было сделать срочно, так как должен был приехать отец Тихон (Затёкин) освещать кресты у Богословского собора на могилах родителей изобретателя радио Попова - протоиерея Степана и Анны.

Отец Игорь очень следил за алтарем, всегда своими собственными руками всё мыл.

Я за три дня покрасила все стены и потолок. Остался пол. Но чтобы его красить, надо было вытащить из алтаря здоровую четырехметровую двойную из толстого дерева лестницу-стремянку. Заносили ее двое мужчин. А тут уже никого в церкви не было, только на смене дежурила Тамара, сторож. Но ей в алтарь заходить нельзя. Делать нечего, оставался лишь один день, чтобы покрашенный пол мог просохнуть, так что красить надо было не позже, чем именно сегодня. Я помолилась и эту лестницу, как пушинку сама вынесла из алтаря в храм, и покрасила пол. В пятницу приехал Тихон и освящал кресты.

Крестный ход от Казанской церкви к
Богословскому собору, 1997 г.
Фото В.В. Суворина.

Крестный ход от Казанской церкви к
Богословскому собору, 1997 г.
Фото В.В. Суворина.

**Крестный ход от Казанской церкви
к Богословскому собору, 1997 г.
Фото В.В. Суворина.**

Панихида у Богословского собора, где были установлены памятные кресты настоятелю собора в конце XIX в. отцу Стефану и матушке Анне Степановне Поповым, 1997 г.

Протоиерей Игорь Котомцев:

Отчетность была не такая, как сейчас, все было хоть и проще, и по объему меньше, но делать все равно надо. Поставил бухгалтером Екатерину Цимбой. До нее бухгалтером была Мария Заремба. Казначеем при мне работала сначала Людмила Плахонина, после нее – Нина Семенова.

Заремба Мария Павловна

Биографическая справка:

Мария Павловна родилась 2 августа 1925 г. в селе Татищево Челябинской области. Родителей раскулачили и выслали на Ауэрбах Свердловской области. Закончила мясо-молочный техникум, вышла замуж, родилось трое детей. Работала в Карпинске на Молокозаводе и ходила в церковь. Будучи на пенсии пекла просфоры.

Умерла в 2001 г.

Татьяна Ивановна (Заремба) Буксман, дочь, г. Югорск.

Были и неприятности у мамы на работе. Кто-то сказал директору Карпинского молокозавода, где мама работала бухгалтером, что у вас, мол, такая-то работает, она – баптистка. Директор приехала, вызвала маму в кабинет, устроила разбирательство, поставила ей это на вид. И за спиной у мамы стали шептаться, называя маму баптисткой. Но мама была неунывающая и сильная, и продолжала ходить в церковь всю свою жизнь, все преодолевала и даже когда её парализовало, причем уже во второй раз и ей ни в коем случае нельзя было ходить далеко, она однажды, все же, собралась с силами и пошла в церковь. Дошла до

Казанской, побывала на службе и пришла обратно, хотя трудно представить, как своим шаркающим шагом от фабрики сначала в гору, потом с горы она шла немалое для нее расстояние.

Нас троих детей, нечасто, но регулярно она водила в церковь, и маленьких, и тогда, когда стали постарше и учились в школе.

Помню, идешь от улицы Свободы по кладбищу, пространство открытое, боишься, вдруг кто-то тебя заметит. На службе стоишь и все оглядываешься, а увидишь, что пришли дети Воиновых, обрадуешься, что все-таки мы не одни из детей стоим в церкви. Школьники, мы, конечно, понимали, что могут быть неприятности, но раз мама сказала, что надо идти, мы шли. Стоять всю службу, особенно, когда стали подростками, было очень тяжело, но после службы мы летели как на крыльях.

Людмила Степановна Плахонина, прихожанка, казначей:

Мне хорошо запомнилось, что Мария Заремба, когда была просфорней, пекла на каждую службу по два-три ведра просфор. Народу было очень много, и всем, независимо от того, заказывали или не заказывали они поминания о здравии и за упокой, всем прихожанам давали просфоры. Кто-нибудь из женщин вставал после службы на крыльце церкви и раздавал просфорки выходящему со службы народу.

Цимбой Екатерина Петровна

Биографическая справка:

Екатерина Петровна (Махнина) Цимбой родилась 7 декабря 1921 года в деревне Скоблино Курганского уезда Тобольской губернии в крестьянской семье.

В 1931 году семью её отца, Петра Андреевича Махнина, состоящую из десяти человек, раскулачили, лишили имущества и разделили на две части.

Отца со страшим сыном и старшей дочерью сослали на Северный Урал на Богословские Угольные копи, мать, Анастасию Александровну с остальными детьми – в Среднюю Азию, где Анастасия Александровна смогла добиться разрешения переехать к мужу и перевезла семью на Урал.

Екатерина Петровна окончила среднюю школу и педагогическое училище. Работала в школе учителем начальных классов.

В 1944 году вышла замуж за Степана Артемовича Цимбой.

Родились две дочери и два сына.

Выйдя на пенсию, в 1980-х годах работала в Казанской церкви на лавке, была казначеем. Пела на левом клиросе.

Умерла 21 августа 2010 года.

**Отец Игорь с Галиной Николаевной
Прохоровой (слева),
алтарницей Феодорой (в центре) и Екатериной
Петровной Цимбой, 1989 г.**

Отец Игорь Котомцев:

За товаром ездили не как сейчас на машине, а поездом. Как-то раз поехали мы с Зинаидой Кочневой. Склад епархии находился очень далеко от центра города - на Искровцев, 16. Зинаида свечей набрала мешков пять или шесть. Набирали сразу много, потому что с нашего прихода лишний раз не приедешь в Свердловск, далеко. И вторая причина была та, что, когда ты за товаром приезжал, то там был какой-то товар, но совсем не обязательно тот, который был нужен. Сейчас свечи есть, а через два дня они кончатся, и неизвестно, когда привезут новые. Библий давали всего четыре на приход, календарей – десять и несколько молитвословов.

Набрали мы свечей, набили мешки и вызвали такси, кое-как все впихали, приехали на вокзал – до поезда еще добрых полдня, выгрузил нас носильщик в переходе к поездам – сидим на мешках, ждем. Поезд подали – кое-как загрузились, а в Карпинске Морозовы уже нас с санками встречают – запряглись мы в санки с Николаем и поехали.

Позже стали обращаться сначала к Ельчищеву, он давал машину грузовую. Потом к другим обращались.

Один раз, не помню, кто дал грузовик, товар взяли, сами поездом уехали, а машина должна была еще свой груз взять и вернуться в Карпинск. День ждем, два ждем – нет машины. Через какое-то время говорят нам: машину украли... Так её, конечно, и не нашли, ну и нам, понятно, никто ничего не заплатил – люди сами пострадали.

После того, как казначеем стала Людмила Плахонина, её дочь Надежда, жившая в Свердловске, много помогала нам, когда мы приезжали в Свердловск за товаром. У нее была своя машина, она нас встречала, увозила в епархию, товар получим – привезет к себе домой, где мы могли отдохнуть, чаю попить, а не сидеть на вокзале, как раньше. Вечером она нас к поезду отвезет.

У людей было желание помогать. Они шли не за деньгами, а потрудиться для церкви. Когда обращался к людям с просьбой – они шли и делали. И делали бескорыстно.

Анна Модина приезжала дежурить в церковь из Краснотурьинска, пока у них свою церковь не открыли, Ирина, Нина Павловна, Анна Павловна – бухгалтер, Елена – все из Краснотурьинска. Мария Морозова, когда сторожей не хватало, дежурила во славу Божию.

Татьяна Ивановна Жукова, певчая:

В 1993 году нас одновременно пришло несколько молодых людей в церковь, и каждого приходившего ставили на клирос. Сначала Илью Баршунина, потом меня, немного ранее нас позвали петь Татьяну Шимову (сейчас она живет в Тольятти), Алексей Бачков (сейчас он священник, служит в Преображенском храме Салехардской епархии). Пели девочки из воскресной школы: Оля Овчарова, Аня Жукова, Люба Шимова...

Отец Алексей Бачков в день рукоположения, 1999 г.

Когда отец Игорь уехал, недолго на клиросе стоял Паша Головков, Владимир Попов, Максим Фомин, дочери Сергея Еремеева - Маша и Марина и другие.

Тогда, в 1993-м, Татьяне Константиновне, конечно, досталось хлопот, чтобы сразу учить столько новеньких.

- Громче! Громче! – требовала Татьяна Константиновна, когда мы читали. И регент, и батюшка учили клиросных читать в полную силу, громко, несмотря на то, что храм был маленький. И пели громко - никакого пения на связках не было.

**Татьяна Константиновна
Любогощинская, 90 лет,
Карпинск, сентябрь 2013**

Апостол и паремии Татьяна Константиновна читала своим сильным от природы голосом внятно и по-дьяконски. Заканчивала торжественно, в самом конце замедляя и расширяя темп, и повышая звук.

Громко, четко произносила она каждое слово молитвословий на часах, кафизмах и каноне - так читала все молитвы.

В конце сороковых годов, когда она встала на клирос, в Казанской церкви еще оставались все те певчие, которые в свою очередь сами учились у певчих еще царского, дореволюционного времени.

Не допускалось ошибок в ударении. Помню, как только кто-то из нас прочитал вместо «трава польскАя» - «трава польская», как отец Игорь тут же резко поправил, так, что с первого раза запомнили, что трава «польскАя», а Польша тут не причем. Буквально с первого раза учились читать правильно. А уж когда чтец в третий раз неправильно

произнес «гвоздие и копие», то его тут же отправили с клироса стоять в храм.⁷

У Татьяны Константиновны был дискант, но она легко могла, в случае необходимости, перейти на второй голос. Вместе с ней пели первую партию тетя Катя Сулова и тетя Ксения Плохова. Ксения Алексеевна, несмотря на то что, как она сама говорила про себя, почти неграмотная, тем не менее, пела все стихиры вместе с хором и пела их со слуха. Она не имела возможности быстро прочитать слова, тем более из Октоиха, где все напечатано на церковно-славянском языке, но могла так настроить свое внимание, что подхватывала каждое слово, которое пел хор. Её чистое и верное пение, отличная дикция, а главное, благоговейное отношение к словам молитв, делали её незаменимой в том нашем хоре.

Благодаря тому, что Казанская церковь не закрывалась, на клиросе в 90-е годы еще сохранялась традиция распевного чтения, передававшаяся от старших певцов и чтецов к более молодым. Но читала нараспев в те годы уже только тетя Катя Сулова.

Чтение нараспев выразительно. Имея более краткое и простое музыкальное построение по сравнению с пением, оно все же ближе к пению, чем к чтению на одном тоне, и

⁷ «Тщательная исправность от чтеца требовалась в древних монастырях. За ошибку при чтении чтец подвергался епитимии. Преподобный Кассиан, книга IV, гл. XVI», - пишет свт. Игнатий (Брянчанинов), т. 5, стр. 12;

Церковное чтение должно быть правильное, ясное, неторопливое, раздельное, важное по характеру, певучее, внятное, вразумительное и внушительное. И. Вознесенский О церковном пении православной Греко-русской церкви, Киев, 1887, с. 4

лучше помогает сосредоточиться стоящим на молитве людям. К тому же мелодия такого чтения всегда подчинялась слову.

То, как читала тетька Катя, и было – пение. Вступительная интонация сменялась основным тоном, который она повышала перед запятой и заключала нисходящей мелодией перед точкой.

Особой интонацией она закругляла концы фраз, окончание молитв и псалмов.

Когда на шестопсалмии она выходила читать на середину храма, молящийся народ стоял за ней плотной стеной, оставив лишь узкий проход к праздничной иконе. Свечи и паникадило гасли. Лампадки высвечивали строгие лики икон, и мерцающий свет от свечи в руках тети Кати ложился на Часослов.

Все замирали, и в полной тишине лились слова плача кающегося грешника перед Христом Спасителем, пришедшим на землю:

- Господи, что ся умножиша стужающие ми? Мнози встают на мя, мнози глаголют души моей: несть спасения ему в Бозе его. Ты же Господи, заступник мой еси, слава моя, и возносяй главу мою.

**Прихожанки Казанской церкви (слева направо)
Е.П. Цимбой, ..., А.Д. Пенкина, Е. Сулова**

Читалось в Казанской нараспев и Евангелие. Пожилая прихожанка, как-то раз сказала мне после службы:

- Как красиво батюшка поет!

Я её не поняла. Батюшка читает Евангелие, произносит ектеньи, говорит проповедь. Но она была права – батюшка, конечно же, пел.

Так же, рассказывая об отце Спиридоне, Виктор Николаевич Прутов не однажды повторил, что, когда отец Спиридон, будучи диаконом у нас в Казанской, читал Евангелие, все плакали. Он читал его распевно, переходя в настоящее пение. Начиная тихо, с самого низкого звука, и постепенно, по полутонам повышая тон, доходил до вершины, заканчивая на самом высоком звуке.

Мне приходилось слышать одну очень старую, еще, видимо, довоенную, запись Литургии в Русской Православной церкви за рубежом. Пел хор донских казаков под управлением Жарова, и читал короткое зачало из Евангелия старенький батюшка:

- Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим: иго бо Мое благо, и бремя Мое легко-о-о есть.

И это его «легко-о-о-о-е-е-есть!» высокое, звенящее, трогало душу и укрепляло в том, что всё так и есть – с Богом всё легко! Ведь для человека форма, в которую облечено слово, важна. Пение не должно отвлекать внимание на себя, быть слишком красивым, но должно обладать той мерой благолепного звучания, которое помогало бы слову тронуть сердце молящегося человека, сердца простых прихожанок в белых платочках, ходивших в храм, несмотря ни на что, в страшные годы лихолетий и сохранивших веру в Бога. Одной из многих и многих таких вот простых верующих женщин, прихожанок Казанской церкви, была тетьа Поля Пенкина.

Аполлиария Дмитриевна Пенкина

В деревне Перчеваш жилось им хорошо. Трудиться приходилось много, но работа Полю никогда не пугала, она любила свой крестьянский труд. Муж был лесником, умел всё, но умер рано, еще сорока лет не исполнилось, оставив пятерых детей. Старшая дочь Надежда училась в десятом классе, младшей Любе не было и пяти лет, а между ними - Тамара, Николай и Герман. И еще с ними жила бабушка Анна.

«Господь испытывает», - думала тогда о себе и о детях Поля, оставшись вдовой. – Но надо терпеть». И вера давала ей силы - как раньше с мужем, а теперь одна, она все так же ходила в церковь за шесть километров из Горьковской области в Кировскую.

Вспомнилось ей, как в начале пятидесятых в одно мгновение сгорел их под соломенной крышей дом, только что успели они с мужем растолкать старика деда да вынести из огня к реке двух маленьких дочек. И тогда, кто-то из них двоих сказал: «Посетил нас Господь!», только Поля всю свою жизнь знала, что это так и есть.

Теперь их большую семью выручала корова с телятами, кролики пуховые, куры, утки, бараны – со всем она управлялась. Кроликов чесала, пряла тонкую пряжу и вязала пуховые ажурные платки. А еще она катала валенки - муж научил. Он будто знал, что со временем это будет ей подспорьем. Она стригла баранов, чесала и сортировала шерсть: на валеночки, что заказывали ей для совсем малых ребят, выбирала белую - с яровых ягнят, большие валенки красила в черный цвет. Шерсть прессовала, накладывала на колодки нужного размера,

окунала заготовки в чаны, палками мешала, в печке сушила, отбивала, и из огромных заготовок они превращались в аккуратные мягкие теплые чесанки.

А еще Поля разводила пчел, и дети помогали ей. Когда она проверяла рамки, они дымили дымарями с тлеющими гнилушками, а во время роения, звонили в колокольчик и, дожидаясь, пока придет мать, обмахивали пчел мокрым веником.

Но из деревни люди потихоньку разъезжались, все умирало, школьники в восьмилетку ходили за шесть километров, а десятилетка была за двадцать. В школу шли через лес и поля, где полно водилось волков. Как-то поздно вечером столкнулась Аполлинаруя глаза в глаза с волком на своем дворе у колодца, а утром увидала, что все истоптано волками, и стало понятно, что он не один выходил из леса к их дому. Пришлось и Пенкиным переезжать из деревни в город, так что в 1975-м году младшая Люба уже училась в Карпинске.

«Какая благодать жить здесь: церковь – рядышком!» – только и сказала тетя Поля детям, когда они устроились в своем доме на Лесопильной улице в Карпинске.

И здесь, кто бы ни пришел к ним, она радушно, как и раньше в деревне, приглашала в дом: «Заходите, проходите! Я сейчас вам пирожков дам».

Когда заболела - к врачам до последнего не хотела идти, отказывалась, говорила детям: «Лучше я в огород пойду, травку порву - может, пройдет».

Тридцать лет она молилась в Казанской церкви. Маленькая, тихая, незаметная. Ходила на службы, пока не стала падать. В декабре 2006-го, уже тяжело больная, последний раз была на литургии, а в марте 2007-го умерла, всё также терпеливо перенося боли и благодаря Бога за всё.

Людмила Ивановна Дубина, завуч Карпинского Детского дома инвалидов:

В середине 1990-х годов воспитатель детского дома-интерната для детей инвалидов города Карпинска **Нина Матвеевна Саватьева**, стала работать на группе № 11, где проживали мальчики. Надо отметить, что Нина Матвеевна будучи верующим человеком, начала ходить в церковь и, приходя на работу, стала рассказывать детям своей группы о Боге. Сначала сводила их в Казанскую церковь как на экскурсию, а затем, раз в неделю мальчики приходили с ней туда уже на литургию. Постепенно дети выучили основные молитвы: «Царю Небесный», «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся», и с этих молитв начинали занятия, когда Нина Матвеевна приходила к ним в свою утреннюю смену.

В этой группе оказалось много рисующих детей, и они в свободное от занятий время стали рисовать церковь и Иисуса Христа.

Некоторые мальчики, выросшие в группе Нины Матвеевны, до сих пор ходят в церковь. А тогда, в то время, в нашем детском доме инвалидов стали отмечать с детьми праздники Рождества Христова и Пасхи. Настоятель церкви священник Игорь Котомцев приходил к нам на праздники и вообще был частым гостем. Он окрестил тех детей, которые хотели стать крещеными, благословлял их, посещал как более сохранных детей, так и лежачих.

Нина Матвеевна Саватьева умерла в августе 2013 года в возрасте 80 лет.

Людмила Степановна Плахонина

Биографическая справка:

Людмила Степановна (Шляева) Плахонина родилась в Богословске 9 сентября 1928 года в семье Степана Андреевича и Ольги Георгиевны (урожд. Дементьевой), где их было пятеро детей.

Закончила курсы счетоводов, работала счетоводом в «Углестрое», но скоро перешла мотористкой на 2-й разрез,

потому что хлеб получали по карточкам. Норма хлеба для счетовода была 400 г, а для мотористки – 1200 г

В 1949 году вышла замуж за Плахонина Федора Алексеевича, родилось две дочери – Надежда и Татьяна. Дочка Таня умерла в два с половиной года.

В 1952 году Людмила Степановна перешла на работу в угольную химлабораторию «Вахрушевугля», где трудилась до пенсии.

С 1992 года работала в Казанской церкви сначала на лавке, потом казначеем.

**Людмила Степановна Плахонина в Богословском соборе,
2013 год**

Галина Николаевна Прохорова

Биографическая справка:

Галина Николаевна (Гурьянова) Прохорова родилась на Вологодчине 2 октября 1926. Вместе с мужем Прохоровым Валентином Александровичем и матерью Алевтиной Евгеньевной приехала после войны к отцу Николаю Васильевичу Гурьянову в Карпинск. Работала в больнице, затем на Хлопкопрядильной фабрике. С конца 1980-х - в Казанской церкви на лавке, продавала свечи. Своих детей у Прохоровых не было, но они воспитали приемную дочь.

Умерла Галина Николаевна 10 января 2006 г.

Надежда Николаевна Лумпова, прихожанка Казанской церкви, с 2007 – Богословского собора:

Тетя Галя была сдержана на выражение радости или других эмоций, но отзывчива, и всегда видела в храме тех, кому надо было помочь. Тогда очень много жертвовали на панихиду, старушки приносили пироги, муку, крупу, платочки, и отец Игорь благословил тете Гале раздавать с панихиды продукты тем, кто нуждался. Тетя Галя всегда отмечала матерей с детьми. В начале 90-х годов мы жили очень тяжело, дома ничего нет. Придешь в церковь, тетя Галя даст нам или косыночки, или муку, или мешочек манной крупы, скажет: «Это вам с девками».

Помню, как зашли два подростка лет двенадцати, держатся вольно, я строго к ним:

- Так, мальчишки...

А тетя Галя мне:

- Подожди.

И к ребятам:

- Мальчики, пойдёте.

Отвела их в сторонку, приголубила, хорошо с ними поговорила, дала конфет. И ребята радостные стоят.

Для меня такой урок это был – вот какой должна быть встреча.

Потом долгое время мы не ходили в церковь. И когда тетя Галя встречала нас на улице, она никогда не спрашивала, а могла бы, как другие:

- Что-то вас в церкви не видать. Почему не ходите?

Нет, никогда никакой укоризны, только спросит со слезами на глазах:

- Как живете-то? Как девчонки? Как сама себя чувствуешь?

Когда через несколько лет мы пришли в церковь, и она, уже старенькая и очень больная, увидела моих девчонок, то первое, что спросила, слегка отшатнувшись даже:

- А мать-то ваша где?

Они на меня показывают, а она: «Пришли! Пришли!» - и заплакала.

У тети Гали был рак. Врачи считали, что она давно уже умерла, а она, сколько могла, ходила на службы. И в последний раз мы виделись в Рождество Христово.

Тетя Галя все переживала, что, если она умрет, как останется без нее муж, который был болен астмой. Он давно не выходил из дома и, можно сказать, умирал каждую ночь, задыхаясь. Она молилась, и Господь так управил, что он умер вперед неё. Она его похоронила и, успокоенная, умерла через несколько месяцев после него.

Неля Афанасьевна Аношкина, социальный работник:

Галина Николаевна Прохорова жила в своем доме по Пролетарской улице, и когда в 2001 году заболел ее муж, стало понятно, что им требуется помощь - воды в дом принести, в баню воды навозить, угля набрать, снег почистить. Галина Александровна Андрианова, как и Галина Николаевна бывшая прихожанкой Казанской церкви, обратилась в службу соцзащиты, чтобы к Прохоровым прикрепили человека. Точнее, обратилась ко мне, так как знала, что я там работаю.

Когда я впервые пришла к Галине Николаевне, то она показалась мне довольно грубоватой по разговору женщиной. Но какой это оказался человек! Я и сейчас ухаживаю за больными, в том числе за раковыми. И всегда привожу им в пример Галину Николаевну: её веру, её терпение и то мужество, с которым она переносила свою страшную болезнь. В это время Галина Николаевна уже серьезно болела, у нее был рак груди. Несколько раз она сходила в больницу, но ей было, надо прямо сказать, не до себя, и некогда, и сил особенно не было. Весь дом держался на ней. Муж болел астмой, по ночам не мог спать. От дочери и внука, что жил с ними, помощи никакой не было. Огород, хозяйство – со всем она управлялась сама. До последнего сажала и выкапывала картошку, держала козу (козу ведь еще надо было как-то прокормить). Она не употребляла ни таблеток, не ставила никаких уколов.

И до самого конца ходила в церковь. Последние полгода сама она идти уже не могла, а вместе со мной ходила. Скажет мне, что завтра, например, такой-то праздник, и мы с ней идем. И за три дня до смерти мы сходили с Галиной Николаевной на Рождественскую службу. По дороге попросили прохожего мужчину помочь и вместе вели ее. И она, где сидела, где стояла, но всю

большую ночную службу молилась. Обрато уже приехали на такси.

В марте 2005 меня уволили из соцзащиты. Получилось так, что я уехала в отпуск, и вместо меня назначили женщину, которая сразу сказала Прохоровым, что носить воду у нее руки болят, а уголь, тем более, приносите сами. Когда я вернулась и узнала об этом, то пошла к начальнице разбираться. Та, не долго думая, ты - хорошая, а все – плохие, уволила меня. Но я продолжала ходить к Прохоровым уже сама.

Пришлось буквально уговаривать Галину Николаевну получить инвалидность. Но все-таки мы с ней её оформили, и какая для нее была радость, когда её очень маленькая, минимальная пенсия значительно увеличилась. Жили они очень скромно, бедненько, нуждались, потому что в силу некоторых обстоятельств у них на иждивении был еще взрослый сын приемной дочери.

Я ей всегда говорила: «Галина Николаевна, почему ты меня не удочерила?» - сама-то я была из детского дома.

Кушать они варили сами, часто этим занимался Валентин Александрович, он в молодости служил на флоте поваром, то есть коком. Когда я к ним приходила, меня всегда ждал суп. Мне нравился суп, особенно бульон, а Галина Николаевна ворчала на мужа: «Что ты её водой кормишь?» Но он знал, как готовить вкусный бульон и старался для меня.

Где-то в сентябре или октябре, меня тогда в городе не было, Валентин Александрович умер, а месяца через три умерла и Галина Николаевна. И, несмотря на то, что ей было очень плохо, она заставляла себя вставать, ходить, варить обед. Два раза в неделю приходила к ней обрабатывать рану Любовь Григорьевна Самойловна – прихожанка Казанского храма и просфорница.

Любовь Григорьевна Самойлова, прихожанка,
профорница с 2000 до 2006 года:

Рана у нее была страшная. Перекинь туда налью, все шипит, и я пинцетом кусочки отмершей ткани из раны вытаскиваю. Тетя Галя терпела, невероятное терпение было у нее. Когда я пришла к ней в последний раз, она говорит мне:

- Не надо делать мне перевязку

Я растерялась:

- Да?..

Она махнула рукой, мол, ни к чему, и сказала еще раз:

- Не надо.

Я села на табуретку. Молчим.

Спрашиваю:

- Тетя Галя, ты кушала?

- Кушала.

И опять молчит.

В этот день она уже не встала, когда я пришла.

Предложила ей:

- Давай, тетя Галя, я тебе молитовки прочитаю?

Тут она как-то встрепенулась, обрадовалась:

- Давай!

Прочитала ей вечерние молитвы. Она слушала очень внимательно. Потом прочитала вторую молитву Пресвятой Богородице пред иконой Её «Всецарица» об исцелении телесных недугов, от рака. Закончили мы молитву. Я говорю:

- Ну, ладно, баба Галя, раз не будем перевязывать, я пойду.

Мы попрощались. И оказалось, что навсегда. На следующий день тетя Галя умерла.

Михаил Федорович Важенин

Сергей Борисович Еремеев:

Уже не в первый раз дядя Миша подходил ко мне и звал меня под крышу. Недели за две до празднования памяти апостола и евангелиста Иоанна Богослова он сказал: «Пойдем, я тебе покажу, как опускать паникадило». Он как чувствовал, торопил меня, а я и подумать не мог, что это его последние дни. В семьдесят три года дядя Миша был крепкий, ходил почти на каждую службу, на субботах перед Рождеством Христовым и Пасхой с высокой лестницы он мыл свод в церкви и алтаре. Казалось, что так всегда и будет.

По лестнице, что вела с паперти на колокольню, мы забрались в маленькое темное без окон помещение и через низкую дверь, открывавшуюся в сторону храма, попали в пространство между крышей и сводом. Паникадило опускалось воротом, и надо было знать, сколько оборотов сделать, чтобы паникадило не легло на пол и в то же время не остановилось выше подставки, раскачиваясь на тросе. Опускали медленно, удерживая барабан, чтобы человек, стоящий в церкви на лестнице

успевал поправлять смотанные вокруг троса провода, не дав им запутаться и оборваться, а бывало и так. Фиксатором служил болт, который откручивался гаечным ключом, лежавшим рядом с воротом на полу.

20 мая вечером дядя Миша пришел на всенощную, а утром на литургии его не было. Я еще подумал, что он собирался идти на Крестный ход, но, наверное, приболел.

Крестный ход вышел от Казанской на улицу Мира и пошел в сторону площади. «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!» - возглашал батюшка. «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!» - отзывались певчие и народ. «Пресвятая Богородице, спаси нас!» Кто-то из встречных людей останавливался и крестился, кто-то вскользь провожал нас взглядом. «Святой апостоле и евангелисте Иоанне Богослове, моли Бога о нас!», - мы подходили к площади, когда, сойдя с тротуара, к нам присоединилась женщина, и от одного к другому передали весть, что дядя Миша умер.

Зинаида Трифоновна Архипова, прихожанка:

Рано утром мне позвонила Лида (Лидия Ивановна Важенина, приходившаяся мне тетей) и с тревогой сообщила:

- Зина, с Мишей плохо!

Я тут же прибежала к ним, мы жили через два дома друг от друга на одном переулке. Миша лежал, навалившись на стул. Собираясь на службу, он стал надевать ботинки и упал. Мы тут же вызвали скорую помощь, но он уже был мертв.

Михаил Федорович был родом из крепкой крестьянской семьи, в 30-х годах раскулаченной и высланной в Карпинск из-под Челябинска. Воспитывала его мать, Авдотья, верующая православная женщина, постоянно ходившая в нашу церковь. Серьезный и трудолюбивый

человек, Михаил Федорович поздно женился на Лидии Ивановне, и, тем не менее, Бог дал прожить им вместе 36 лет.

В столовой училища, где мы заказывали поминки на 80 человек, удивились: «Да, куда вы столько?!» Но мы предполагали, что народу будет много.

Отпевал Мишу отец Сергей Трунов, очень многие пришли проводить его и помолиться о нем. Отец Илья не поверил, узнав, что Миша умер, послал Галину Кузнецову к нам домой удостовериться, потом приезжал и сам. Отец Алексей Носков, он тогда уже в Карпинске не служил, но тоже приезжал поддержать нас, сочувствовал нам, ценил Михаила Федоровича за то, что тот много трудился для церкви, немало помогал на работах в Соборе.

Люди знали Мишу и как пасечника. Они с Лидией Ивановной держали пчел, и число ульев у них порой доходило до двадцати. Это же сколько работы! Рои собирать, пчел лечить, рамки с медом проверять, мед качать. На зиму слабые семьи, у которых в рамках оказалось мало меда, опускать в подполье, а те улья, в которых пчелы покрепче, укрывать и засыпать снегом. На лето Миша вывозил ульи за город на Туринку, для чего восстановил будку, что делал еще его тесть, мой дедушка, Иван Федорович Кузьминых. Сколько приспособлений он сделал и для нас, чтобы мед качать, вошину на рамки приклеивать, всякие ножи. Благодаря Мише у нас сейчас есть весь необходимый инструмент.

И всегда он всех угощал медом, и батюшек, и знакомых.

**Прихожане Казанской церкви с отцом Антонием Епиным.
Михаил Федорович Важенин первый слева, 1999 г.**

Татьяна Ивановна Жукова:

Священники менялись в Казанской церкви довольно часто, за десять лет с 1998 по 2008 год через Казанскую церковь прошло 9 батюшек.

В 1998 году ушел с прихода, прослужив на нем девять лет, иерей Игорь Котомцев. Его сменил отец Антоний Епин, прибывший к нам из Кушвы. Через год настоятелем церкви стал иеромонах Климент (Бояренко), но через полгода и он уехал, став наместником Верхотурского мужского монастыря, а настоятельство Казанской церковью принял иерей Алексей Носков, приехавший в Карпинск из Сосьвы. Примерно в это же время из Нижнего Тагила прислали второго священника отца Михаила Ваулина и из Североуральска - диакона Константина Железнова.

После отца Алексея Носкова настоятелем стал сначала отец Сергей Трунов, а за ним отец Илья Баршунин. Когда в 2007 году отец Илья был переведен настоятелем во вновь действующий Богословский собор, в Казанскую приехал иерей Анатолий Разуменко. В 2009-м перед Пасхой его сменил иерей Антоний Шубинов. Он приехал в Карпинск в конце Великого поста. В пятницу вечером накануне Субботы Акафиста его привез благочинный, отец Сергей Козлов. Они подъехали к Богословскому собору перед вечерней службой, и отец Сергей сказал, что это новый батюшка, назначенный в Казанскую. Так за период чуть больше десяти лет в Казанской церкви сменились один за другим, восемь настоятелей

В связи с этим вспоминается напечатанная в «Карпинском рабочем» публикация по историческим материалам 1902 года «Приходы и церкви Екатеринбургской епархии» о Богословском соборе, в которой отмечалось, что в конце XIX века «протоиерей Иоанн Луканин, служил при Богословском Введенском соборе более сорока лет.

Иеромонах Климент (Бояренко)

Отец Климент приехал в Карпинск в начале 1999 г. и служил настоятелем Казанской церкви до августа того же года. Вторым священником при нем был иерей Антоний Епин.

Выросший в Североуральске, отец Климент, несколько лет жил в монастыре Оптина Пустынь, после чего приехал в Екатеринбургскую епархию, где был пострижен епископом Никоном (Мироновым) в монашество с именем Климент и назначен настоятелем в Казанскую церковь г. Карпинска.

Сразу по приезду в Карпинск, отец Климент купил для Казанской церкви квартиру в доме № 70 по улице Мира на деньги, специально для этого выделенные ему из епархии. Пока шел ремонт, он жил на квартире у прихожанки Анны Семеновны Болговой.

Отец Климент всегда готовился к службам, приходил заранее и просматривал на клиросе весь ход предстоящей всенощной или вечерни и утрени.

По Минее и Октоиху в соответствии с Богослужбными указаниями он смотрел все, что должно было петься и читаться клиросными.

Великим Постом служил каждый день. С Великого Понедельника все дни последней седмицы Поста утренние

службы шли у него с восьми утра до трех часов дня, а уже в четыре часа начинались вечерние службы.

Он ездил в детские дома города с подарками на Пасху. Отзывался на каждую просьбу о помощи, а часто помогал прежде, чем его об этом просили, когда видел в том необходимость.

Будучи настоятелем Казанской церкви, отец Климент съездил в монастырь, Свято-Введенскую Оптину Пустынь Калужской епархии, откуда привез частицы мощей двенадцати Оптинских старцев. При нем они хранились в бархатном мешочке на престоле.

Нынешний настоятель Казанской церкви, иерей Антоний Шубинов заказал для мощей специальный ковчежец.

Иерей Алексей Носков

Отец Алексей Носков:

«Родился я в городе Нововятск, в настоящее время, Нововятский район города Кирова, в 1973 году. С 1978 года семья переехала в город Серов, где закончил школу и 58-е училище на токаря. Искал, для чего живет человек, в книгах искал и молился Богу: если Ты есть, откройся мне. Однажды с друзьями пошли в церковь на Пасхальную службу. Служил отец Сергей Козлов. Встал я в храме на службе, и, как будто что-то держит меня, никуда уходить не хочется. Ребята зовут меня: «Пойдем, Леха!», но я стоял, и никуда не хотел идти. Ребята ушли, а я простоял всю Пасхальную службу.

После этого стал читать Библию, но там очень много непонятого было, а когда попала мне в руки Толковая Библия Лопухина, то выяснилось, что я в Библии всё понял наоборот. Впечатление от книги было большое, и оно усиливалось сожалением о том, что это все надо было читать еще в детстве.

Стал постоянно ходить на службы и через некоторое время настоятель предложил мне стать священником. Это было для меня неожиданно, но, тем не менее, через полгода я поехал в епархию, и Владыка Никон (Миронов) в 1995 году на Преполование Пятидесятницы в Иоанно-Предтеченском храме г. Екатеринбургa рукоположил меня

в диаконы, через год в священники. Дали приход в Сосьве, служил там, окормлял лагерь заключенных, три колонии у меня было. Через три года перевели в Серов третьим священником. Вторым священником в те годы был отец Лука (Сентяпов). Через полтора года назначили меня в Карпинск, так как настоятеля Казанской, иеромонаха Климента (Бояренко) перевели в Верхотурье настоятелем Свято-Николаевского мужского монастыря. Указ о моем переводе был одним из последних указов епископа Никона (Миронова) по нашей епархии.

Приехал я на свой новый приход в праздник Казанской иконы Божией Матери, 21 июля 1999 года.

До этого я был в Карпинске, раза два-три. Когда учился в школе, в 1983 году мы приезжали с экскурсией на Карпинскую хлопкопрядильную фабрику, потом на соревнования по боксу на приз Шамиля Сабирова, на трамваях катались, в Серове трамваев не было. Собор в моей памяти тогда не отложился, хотя, приезжая на соревнования мы жили недалеко, в школе по улице Мира. Несмотря на то, что я был назначен в Казанскую церковь, на следующий же день пошел посмотреть на собор. Горько мне было видеть, что собор стоит по окна в земле с зияющими,

как выбитые глазницы, окнами. Мне никто не поручал заниматься собором, но чтобы так и оставлять стоявший бесхозным собор, я не мог с этим согласиться.

Вопрос, восстанавливать или нет, для меня не стоял, ясно было, что надо что-то делать. Я написал Владыке, уже Викентию, прошение. Тем более, что он совсем недавно, в августе, заступив на Екатеринбургскую кафедру и знакомясь с епархией, приезжал к нам и побывал в заброшенном Богословском соборе.

Я сразу же обратился к начальнику «Вахрушевуголь» Н.С. Индикову.

Звоню ему и прошу подвести электричество на собор, 380 вольт. Он меня спрашивает:

- Вы, кто такой?

- Я священник, настоятель Казанской церкви, и собор сейчас в моем ведении, надо заниматься восстановлением.

- А вы давно здесь

- Да! Уже три дня!

Индиков с готовностью откликнулся.

Начали мы работать. Отдали нам двухэтажное здание на углу улиц Луначарского и Советской. Ходил везде, просил, чтобы оказали какую возможно помощь, шапку не одевал. И помощь Божия не оставляла.

Но вот люди месяц отработали - выносили мусор из храма, с прилегающей территории, а зарплату им платить нечем. Дали мне платежные ведомости, я смотрю на них и понимаю, что денег на приходе нет. Ровно в этот момент пришли люди и говорят мне:

- Хотим на восстановление собора дать денег, сколько вам надо?

А у меня ведомости в руках, я им их протягиваю:

- Да, вот, хотя бы на зарплату рабочим.

Они тут же достали и прямо мне в руки дали деньги.

Помощь Божия укрепляла меня в том, что можно заниматься восстановлением собора и в то время, когда у простых людей, наших прихожан, практически не было денег, и доход Казанской церкви был очень маленький.

До нас уже какая-то работа по консервированию здания была проделана – стояла крыша, купола и кресты из оцинкованного железа.⁸ Начали служить в соборе каждую среду молебн. Можно сказать, что чудесным образом открылась роспись Покрова Пресвятой Богородицы.

Немалая заслуга и труды в этом приглашенных мною художника Дмитрия Костромина и его жены, расчищавшими миллиметр за миллиметром оставшиеся росписи. Дмитрий Костромин сделал эскизный проект восстановления росписи всего храма. Длинный ящик с готовыми эскизами оставался в соборном доме, когда я уезжал из Карпинска.

Начали прибирать в храме, там были горы мусора, цемент, остававшийся от бывших складов, находившихся здесь. Алтарь по линии иконостаса отделяла стена, эту стену сломали, все вынесли.

Собор по окна был в земле, и влага втягивалась через кирпичную кладку в стену, то есть разрушалась сама кладка. Первоначально надо было снять слой земли, что мы и стали делать. Когда сделали шурфы вокруг храма, то выяснилось, что стены собора имели в иных местах рытвины глубиной до полуметра. Но кованая арматура внутри стен и фундамента стягивала его. На помощь нам пришли газовики. Начальник ЛПУ Озорнин дал трактор, который сдвинул всю землю возле собора. Тракторист сделал всю работу старательно и быстро. Оказалось, что

⁸ Эти работы были проделаны благодаря инициативе семьи Крафт - архитектора города Евгении Крафт и её мужа, инженера-конструктора КМЗ Станислава Юльевича Крафта. В 1990-х годах они переехали жить из Карпинска в Ленинград.

срезали слишком много, и пришлось часть земли подсыпать на старое место.

Вокруг собора было очень много тополей, мы свалили их, раскорчевали, расчистили и спланировали эту территорию, стали там сажать картошку, сейчас на этом месте автомобильная стоянка.

Все обнаруженные червоточины в стенах заложили кирпичами. Вынесли из храма и вывезли порядка 600 кубов мусора, цемента и земли, затем стали заносить вовнутрь и ровнять щебенку - сначала крупную фракцию, затем мелкую.

Дошло дело до бетонирования, но денег нет. И тут меня пригласили в строительную организацию Богословского Алюминиевого завода освящать помещения, причем начальником там был татарин, но, тем не менее, он обратился ко мне, православному священнику с такой вот просьбой. Когда он спросил меня об оплате за требу, я сказал, что мне нужен бетон для работы на соборе. И нам стали везти бетон, который рабочие заносили вовнутрь, а ровнял и плющил его «однорукий» наш прораб Егорыч, у которого одна рука была совершенно нерабочая, но всю работу он сделал одной рукой и лопатой, причем ровно, как по линейке. Бетона привезли 17 машин по три, пять, шесть тонн - в каждой машине по-разному. Так с Божией помощью весь пол забетонировали.

Мраморную плитку нам пожертвовал Уфалейникель.

Деньги на колокола дал гендиректор ЗАО «Транс – Север» (г. Красноурьинск) Дмитрий Иванович Барабанов. Причем, деньги были наличные, и я их увез в треной корзине в Москву».

Священник на войне.

В мае 2001 г настоятель Казанской церкви о. Алексей Носков вместе с сотрудником Миссионерского отдела Екатеринбургской епархии Евгением Ладыгиным был командирован в Чеченскую народную республику, где шла война.

От Нижнего Тагила до Моздока поездом, затем 40 мин на вертолете до Ханкалы, находящейся в 8 км от г. Грозного они добирались в воюющий регион. Поселились в отряде объединенной группировки войск.

- Нашей задачей было поддержать военнослужащих добрым словом, вести разъяснительную работу.

Когда солдаты узнали, что появился священник, подходили, просили окрестить, кто-то хотел исповедаться. Командиры желали освятить месторасположение отряда или воинской части, танковую роту или дивизию, расположившуюся в самом Грозном. В столице республики я был три раза. Настойчиво просил у начальника группировки внутренних войск в Чечне, чтобы отправили на вертолете, добивался встречи с главой правительства Станиславом Ильясовым для разговора о помощи русским людям. И эта встреча состоялась.

- Первым я задал ему такой вопрос: «Есть ли лагеря для чеченских беженцев?». – «Есть». – «А для русских?» - «Нет». – «А они что – на другой земле живут?»

Русские там предоставлены сами себе, там для них нет ничего.

Отец Алексей обратил внимание главы республики на то, что русских людей убивают каждый день, каждую ночь. Русские спят в полуразрушенных домах, чтобы, если придут убивать, можно было выскочить наружу через пустые проемы окон и дверей.

Ильясов пообещал собрать списки таких жителей и помочь выехать из Чечни. Народ чеченский не желает

войны. Но, тем не менее, по Грозному опасно передвигаться даже на БТРе, можно подрваться на фугасе или попасть под обстрел. Была мысль остаться и довести до конца дело с выводом мирных русских жителей из Чечни. Посмотреть, как глава правительства выполнит свое обещание. Хотелось помочь местному священнику отцу Игорю, который служит в церкви, охраняемой омоновцами только последние четыре месяца. Но командировка закончилась, и мы возвращались домой на Урал.

Валентина Егоровна Билоус:

Я искала работу. В 2001 году в городе, как и во всей стране, была безработица. Одноклассница моей дочери, Лена Трунова, ходила в церковь, и я спросила у нее, не надо ли в храме поваров? Она сказала, что узнает и, действительно, через несколько дней передала мне, что в церкви требуется повар, приходите. Я пришла. Отец Алексей вышел ко мне высокий, красивый, поговорил со мной. Спросил, нет ли вредных привычек. Сказал, что берет меня. Я так обрадовалась, что нашла работу, да еще и в церкви, ведь в то время люди хватались за любую возможность куда-то устроиться, а тут – церковь!

В назначенный день пришла, спрашиваю: «У кого принимать дела? Надо ли принимать продукты или что другое?»

Отец Алексей ответил: «Нет! У нас все на доверии, ничего не надо принимать, начинай работать».

Батюшка собирал тогда по Карпинску всех беспризорников, которых в перестройку столько по городу было! И дети, и взрослые, семья Поповых ходили кушать: два брата, Коля и Костя, их старшая сестра Лена с детьми.

Каждый день мы готовили на три стола. За два стола садились рабочие, за один – нищие и голодные, всего

получалось человек пятьдесят – семьдесят ежедневно. Когда я устроилась, то месяц работала одна, но скоро отец Алексей увидел, что мне тяжело, и велел искать еще человека в помощь. Через месяц после меня пришла работать к нам на трапезу Екатерина Ивановна, да так и работает она там уже четырнадцатый год.

Отец Алексей договорился с колбасной фабрикой, и там, в качестве благотворительной помощи, нам стали отпускать косточки. Каждый четверг на машине мы за ними ездили. На этих косточках варили бульон, а остальные продукты: капусту, картошку, другие овощи, масло, хлеб - все это жертвовали люди. Позже и с хлебозавода так же бесплатно стали привозить в первый магазин для нас десяток булок хлеба.

Одна наша прихожанка, Валентина, не помню её фамилию, регулярно приносила пятилитровую банку молока, а потом и вовсе, они с мужем пожертвовали в Казанскую церковь корову.

**В трапезной соборного дома
Валентина Егоровна Билоус
и
Трегубова Екатерина
Ивановна, 2001 г.**

Корова, пока не отстроили сарайчик возле соборного дома, стояла у нас дома, а как построили, забрали её уже на свое место. Виктор Михайлович за ней ухаживал, а я два раза в день бегала

доить. Валера Скворцов, инвалид с одной ногой помогал

нам и с ним еще ребята. Когда корова отелилась, мне позвонили, а я как раз была в гостях на Волчанке. Пришлось быстро собираться и ехать в Карпинск, раздаивать корову.

В церковном хозяйстве при отце Алексее были и свиньи, и курочки. На месте, где сейчас автомобильная стоянка, расчистили большое поле и засаживали его картошкой. Работа кипела. Отец Алексей вплотную занялся восстановлением Богословского собора. Ездил в Чечню к нашим солдатам, которые фактически там воевали. Но осенью 2003 года настоятель сменился. Отец Алексей уехал и пришел отец Сергей Трунов. Я еще немного поработала и рассчиталась.

Последняя запись в моей трудовой книжке: место работы - Приход во имя Казанской иконы Божией Матери. И я была очень рада, что Бог привел меня поработать в церкви и именно оттуда уйти на пенсию.

Таинство крещения совершает иерей Алексей Носков, помогает псаломщик Максим Фомин. 2000 г.

Любовь Григорьевна Самойлова:

«Году, примерно, в 2000-м ко мне подошла тетя Зина Кочнева и спросила меня, не хотела бы я печь просфоры для храма. Я немного испугалась:

- Не знаю, я, наверное, не смогу.

Тетя Зина сказала – сможешь, и добавила:

- Мне еще при отце Игоре его матушка говорила, что ты вкусные торты печешь, пироги стряпаешь, так что я вижу тебя в замену себе, а мне уже тяжело. Приходи ко мне, поучишься.

Я ходила к тете Зине, посмотрела, как делают просфоры, что-то сделала под её руководством. Когда первый раз самостоятельно пекла, то пошла к батюшке, чтобы он благословил. Тесто завела и перед тем как начать месить, поднялась к отцу Алексею, мы в одном подъезде с ним жили. Говорю ему:

- Батюшка, у меня тесто готово, благословите, чтобы все получилось.

Я страшно боялась, что не получится.

Он меня благословил и сказал:

- Иди, всё получится.

Как тетя Зина меня учила, я прочитала молитвы, и все, с Божьей помощью, получилось.

Самое трудоемкое в процессе изготовления просфор, это было месить тесто. А потом еще надо, чтобы было тепло для поднятия теста, тем более такого тугого, какое требуется для просфор, а у меня в квартире холодина стояла, большую часть года батареи чуть теплились. Но пять лет я пекла, пока не уехала жить в Екатеринбург».

Надежда Ивановна Полосухина:

«При отце Алексее Носкове я совсем немного работала сторожем в церкви. Какая моя работа была? Уголь в ведра нагрнула, печки вытопила. Одна печка в церкви и еще две в доме. На первом этаже в трапезной - побольше, на втором, в библиотеке, поменьше, их тоже надо было топить. Снег почистила, воду на кухню с колонки принесла и так далее. Год я проработала.

В 2001 году приехал к нам служить еще один батюшка, отец Михаил Ваулин. Спокойный, немногословный, все с молитвой делал. Привез он с собой одиннадцать саженцев деревьев. Да не просто деревьев, а дубов. Что-то, а дубы возле Казанской еще не росли. В церковном дворе рос кедр, наверное, ровесник храму, а может и старше, огромные лиственницы, и обычные для кладбищ березы, рябины, но дубов не было.

Поднялись мы с отцом Михаилом на второй этаж церковного дома, в библиотеку, где на окошке в пластмассовых стаканчиках стояли саженцы, и батюшка велел мне их посадить. Я их рассадилa вокруг храма, палочками огородила, и на удивление - все саженцы принялись. Но тут началось обкапывание церкви... Пришла я на смену вижу, что рабочие во всю капают, черепа и кости возле дорожки складывают, землю таскают, вот тогда дубки-то и затоптали. Осталось только два деревца справа от алтаря.

Отец Михаил любил пить чай с травами, я приносила мяту, мелису, мелко натертую сушеную морковку, и морковный чай, который мы с ним за милую душу пили.

Как-то раз мы разговорились, и я рассказала отцу Михаилу, что моя бабушка, мама моей мамы, Ткаченко Антонина Захаровна жила в прислугах у Ивана Ивановича Белавина - богословского врача. Белавины познакомили мою бабушку, восемнадцатилетнюю Антонину, с её

будущим мужем Иваном Ивановичем Сопковым, сорокадвухлетним вдовцом, оставшимся с шестью детьми на руках и жившим в двухэтажном доме возле собора, сейчас это Почтовая улица, дом 15. Хотя и была бабушка моя тогда совсем молоденькой, но согласилась. Пошла за Ивана Ивановича замуж и родила ему еще семерых детей.

Первый ребенок Ивана и Антонины – моя мама, Вера Ивановна, родилась в сентябре 1913 года.

Антонина Захаровна Сопкова с дочерью Верой, Богословский завод, 1914 г.

Иван Иванович Сопков, родившийся 24 сентября 1869 года, жил в доме № 15 по Почтовой улице до дня своей кончины 10 августа 1960 года. В семье говорили о том, что до революции Иван Иванович был старостой в Богословском соборе. В его доме в углу большой комнаты стояло много икон.

Однажды в советское время в дом к Ивану Сопкову зашел парторг разреза и, увидев старую в окладе икону, сказал хозяину дома:

- Сними и в печку брось! Или на дрова ее поруби.

На что Иван Иванович, спокойно глядя в глаза парторгу, ответил:

- Руки отсохнут!

Иконы так никто и не трогал до самой смерти деда.

До революции дед имел паровую мельницу, маслобойню, конюшни, 15 лошадей. Усадьба располагалась от нынешней улицы Почтовой до Октябрьской и от Ленина (Петропавловской) до соседнего домовладения.

Когда Ивана Ивановича раскулачили, у него забрали лошадей и большую часть земли, на которой построили многоквартирный деревянный дом, для десятка семей, и рядом с ним столовую (бывшую № 4), оставив семье Сопковых лишь небольшой клочок от когда-то принадлежавшей им усадьбы.

Иван Иванович прожил девяносто один год, его жена Антонина Захаровна – пятьдесят четыре, она умерла после Великой Отечественной войны в 1947 году. Тридцать пять лет они были вместе, перенесли все тяготы революции, пережили две войны, помогали, поднимали и ставили на ноги одиннадцать детей. А знаменитый в Богословском заводе врач Иван Иванович Белавин, положивший начало их знакомству в далеком 1912 году, вошел в семейную летопись потомков Сопковых как добрый благодетель.

Отец Михаил с интересом выслушал меня и сказал:

- В таком случае, тебе сам Бог велел ухаживать за могилой Белавина.

**Внучка и правнучка Сопковых, Надежда Ивановна
Полосухина с отцом Михаилом Ваулиным у могилы
Ивана Ивановича Белавина в праздник Рождества
Богородицы
21 сентября 2001 года.**

Отец Михаил Ваулин

Отец Михаил Ваулин служил в Казанской церкви вторым священником при иерее Алексее Носкове. Он приехал из Нижнего Тагила, был у нас совсем недолго, но оставил о себе добрую память, как благоговейный служитель, внимательный и добросердечный батюшка.

После Карпинска отец Михаил служил в Свято-Троицкой церкви Нижнего Тагила, в настоящее время - настоятель храма в честь Преображения Господня в поселке Сербишино Невьянского района.

Отец Михаил в алтаре Казанской церкви, 2000 г.

**Дубки отца Михаила Ваулина возле Казанской церкви,
2013 г.**

**Священнослужители Казанской церкви
1940 – 1960 годов**

Протоиерей Макарий Филистеев, 1944 – 1946 гг.

Морозова Мария Филипповна, прихожанка, жительница поселка Галка с 1930 по 1950 г.:

В конце войны приходил на Галку отец Макарий из Богословска, и моя мама, Александра Петровна Чернявская, отдала ему Евангелие и другие церковные книги, которые мы, когда нас раскулачили, привезли с собой с Кубани в ссылку на Урал.

Я помню, что отец Макарий останавливался у нас в доме на ночь, и всю ту ночь не спал, читал Евангелие.

Перед всенощной службой возле Казанской

Протоиерей Иоанн Зырянов, 1945 – 1946 гг.

Священник Иоанн Зырянов служил в Казанской церкви г. Карпинска с сентября 1945 по март 1946 года. В 1946 году он был переведен в Кушву, где служил до 1948 года.

С 1923 г. находился в обновленчестве. В 1939 г., будучи настоятелем Магдалининской церкви села Лая Нижнетагильского района, протоиерей Иоанн Зырянов принес покаяние, приняв решение оставить обновленческий раскол. На его прошении о покаянии митрополит Сергей Страгородский написал: «Как пробывший в обновленчестве 16 лет, бывший даже благочинным,...может быть принят в общение под условием, что понесет епитимию в виде запрещения в священнослужении и все обновленческие награды аннулируются. (Архив Московской патриарх. Фонд Свердл. епархии).

Вевея Ивановна Шмакова, г. Карпинск:

«У нас на квартире жил священник Иван Зырянов со своей женой. Время было послевоенное. Мне исполнялось семнадцать лет, и очень хотелось получить в подарок новое платье, я ведь всегда была одета очень и очень скромно, но у мамы такой возможности не было. В те годы, в 1946-м, возвращались с войны фронтовики, и офицеры привозили трофейную одежду, которую, кто-то дарил своим родным, кто-то продавал. И вот отец Иван купил и подарил мне замечательное черное шелковое немецкое платье с плотным кружевным воротничком. В нем я сфотографировалась на память о добром

священнике, служившем в нашей церкви. Зыряновы недолго, всего одну зиму жили у нас. Они всегда чем-нибудь угощали, приносили сладкое. Мы тогда голодные были, жили плохо, в семье одна сестра у нас работала счетоводом, а служащие имели совсем небольшой заработок, и ее маленькой зарплатой, конечно, нам не хватало».

И еще с одним священником мы познакомились в годы войны. **Отец Иван Колчин** был мобилизован и отправлен к нам на Урал в трудармию. Где именно он работал, я не знаю, но он ходил в нашу Казанскую церковь и пел в хоре. Там мама с ним познакомилась, и он бывал у нас в гостях.

Сразу после войны, году в 1946 или 47-м он уехал. Его семья жила в Москве, а он служил сначала в Куйбышеве, потом в Сарапуле. Сохранилось несколько писем от бабушки, в одном из которых он писал, что служит в Сарапуле настоятелем храма.

В декабре 1963 года он писал:

«Дорогие Нина Александровна, Вера, Вевея и все остальные Ваши! Поздравляю всех Вас с наступающим Новым годом и Великим праздником Рождества Христова. От души желаю Вам встретить эти дни в радости, мире, здравии и всяком благополучии... Напишите, как у вас есть ли служба? Певцам привет. Все ли они живы?»

Храни Вас всех Господь!
Еще и еще благодарю за память».

Протоиерей Иоанн Колчин, конец 1940-х годов

Диакон Валентин Александрович Буторин

«На добрую память уважаемым М.С. Рожковой и хору от Валентина Буторина. Свердловск, 15 декабря 1964 года» - подпись на фотографии из семейного архива Шмаковых.

Татьяна Константиновна Любогощинская:

«Диакон Валентин Александрович Буторин работал у нас в Карпинске в трудовой армии. За работу трудармейцы получали деньги, но они были поднадзорные, и выезжать из города им не разрешалось. Жена Валентина Александровича работала в Санэпидемстанции.

После освобождения он служил у нас в Казанской диаконом. Голос у него был баритон. И сам он красивый, добрый и хороший человек – все его любили. Жили они на улочке, что спускается прямо от церкви на Советскую. По правой стороне, на месте нынешних, но тоже уже старых двухквартирных коттеджей, первым стоял их маленький домик.

Когда они уехали, то писали нам письма, присылали фотографии, но ничего, к сожалению, не сохранилось.

Детишек у них с матушкой Марией не было. Знаю, что жили они одно время в Волгоградской области, потом в Ейске.

Проводить отца Валентина с матушкой собрались все певчие. Накануне думали, думали, что же подарить ему на память? Нина Александровна, Зоя Агафонова, еще кто-то

пошли в промтоварный магазин, что стоял на Советской улице возле аптеки, его еще называли «Золотой», и там продавец посоветовала им купить большое зеркало в раме. У диакона Валентина были красивые волнистые волосы, и мы так подумали, что он будет их расчесывать перед зеркалом и нас вспоминать. И он помнил нас и писал. Долго жалели, что он уехал. Я не помню, сколько лет он служил, потому что мы сами были, как перелетные птицы, сегодня - здесь, завтра – там, но уехал он не позже 1952 года. На прощальном вечере мы все певчие с ним сфотографировались.

Сайт Петро-Павловского женского монастыря города Брянска:

«Валентин Александрович Буторин родился 14 июня 1920 года в селе Богородское Вятской губернии. С одиннадцати лет служил иподиаконом и чтецом, затем псаломщиком в Вятской епархии. 30 августа повенчан с Хренниковой Марией Александровной. Был рукоположен во диакона и служил в Кировской епархии.

С 17 марта 1944 года по 15 сентября 1944 года находился в трудармии в городе Карпинске Свердловской области.

В 1944 – 1966 годах служил в Свердловской, Кировской, Саратовской, Волгоградской епархиях. 10 апреля 1966 года был награжден двойным орденом. Затем был переведен в Орловскую и Брянскую епархию и служил в Петро-Павловском храме Петро-Павловского женского монастыря города Брянска. Погребен на центральном кладбище города Брянска».

Протоиерей Иоанн Ипатьевич Зыков, 1946 – 1950 гг.

Служил в Казанской церкви г. Карпинска с 1946 по 1950 г.

Биографическая справка:

Зыков Иван Ипатьевич (Ипатович)
1887 года рождения;

Место рождения: Россия,
Таврическая губ, г. Севастополь;
русский;

место проживания: Челябинская
обл., г. Каменск;

работал – Покровская церковь,
благочинный.

Арестован 26.11.1936 г.,

осужден 15.02.1937 г.

Приговор: 5 лет ИТЛ.

Источник: Книга памяти Свердловской обл.

В послевоенный период протоиерей Иоанн Зыков служил в Михайловском храме г. Кушвы (1950 г.), где настоятелем в 1933 – 1937 гг. был отец Леонид Бородулин, служивший в Казанской церкви г. Карпинска в 1950 году.

В 1949 году, когда отец Иоанн Зыков еще служил в Карпинске, Рождественским постом в день празднования св. блгв. князя Александра Невского 23 ноября по старому стилю состоялся приезд епископа Товии (Остроумова) и соборное служение в Казанской церкви.

В семейном архиве А.Ф. Воинкова, сохранилась фотография владыки Товии с гостями и клиром Казанской церкви, подписанная Александром Федоровичем:

1-й ряд:

- 1 матушка отца Гурия;
- 2 отец протодиакон Сергей;
- 3 отец Дмитрий (Фесвитянинов);
- 4 епископ Товия;
- 5 отец Гурий, благочинный;
- 6 протоиерей Иоанн (Зыков);

2-й ряд:

- 1 диакон Кушвинский;
- 2 иподиакон Сергей (Сергей Николаевич Можайский);
- 3 протоиерей Леонид (Емельянов из Верхотурья);
- 4 отец Виктор (Попов);
- 5 Вася;
- 6 отец Беспалицин (?) Андрей Викторович.

Иван Ипатьевич Зыков (1887 – 1957) родился в Севастополе. В 1903 закончил двухклассное училище Министерства народного просвещения, а в 1905 г. – школу регентов. В 1918 годк после вступления в брак с Ксенией Николаевной Губаревой был рукоположен во диакона, а в 1920 г. – во священника и назначен настоятелем Никольской церкви казачьей станицы Буконь. В 1924 г. семья Зыковых переехала на Урал. В 1932 г. иерей Иоанн стал настоятелем Покровского храма поселка Каменский завод. В 1933 митрополитом Сергием (Страгородским) он был награжден наперстным крестом. В середине 1930- гг. в Каменском районе, как и по всей стране активно проводилась кампания по закрытию храмов. Являясь благочинным церковью Каменского района, иерей Иоанн советовал верующим отстаивать свои храмы. В 1936 г. Священник был арестован, обвинен в контрреволюционной деятельности и направлен в Карагандинский исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР (Карлаг).

Только в 1945 г. он возвратился из лагерей. В 1946 г. иерей Иоанн был назначен на служение в храм Великомученика Пантелеимона г. Ирбита. В 1947 г. Указом Святейшего Патриарха Алексия I (Симанского) за свою ревностную деятельность в послевоенный период он был возведен в сан возведен в сан протоиерея. Частые переводы с одного прихода н другой были тяжелой участью многих священников советского периода. Протоиерей Иоанн служил в Карпинске, затем в Серове, Кушве, Алапаевске. В 1955 г. он был переведен в Челябинск и назначен настоятелем кафедрального Рождество-Богородицкого собора, а также благочинным первого округа Челябинской епархии.

Скончался протоиерей Иоанн 28 сентября 1957 года во время вечерней службы в алтаре Рождество-Богородицкого собора. Похоронен в Екатеринбурге рядом с Иоанно-Предтеченским храмом.

Ксения Николаевна Зыкова (1899 – 1980-е) родилась в Воронежской губернии в семье крестьян Губаревых. В начале XX в. семья переехала на юг. В 1918 г. Ксения Николаевна вышла замуж за Ивана Ипатьевича Зыкова, который служил псаломщиком и регентом в севастопольской церкви во имя святителя Феодосия Черниговского. В браке родилось четверо детей. В 1924 г. семья Зыковых переехала на Урал. Супруг Ксении Николаевны, к тому времени рукоположенный в священника, стал настоятелем Казанско-Богородицкой церкви Нижнеуфалейского завода, а в 1932 г. – настоятелем Покровского храма поселка Каменский завод.

В 1936 г. иерея Иоанна Зыкова арестовали и направили в концлагерь сроком на пять лет. В 1937 г. по ложному обвинению юной комсомолки, проживавшей на квартире Зыковых была арестована и Ксения Николаевна. Квартирантка-комсомолка дала показания НКВД, якобы матушка Ксения являлась «контрреволюционно настроенной личностью», неоднократно упрашивала ее приобрести для нее боевое оружие, восхваляла Троцкого как гениального вождя, а также убеждала ее выйти из комсомола, сделаться верующей и ходить в церковь. На допросах Ксения Николаевна вела себя мужественно и благоразумно. «Тройкой» НКВД по Челябинской области ей был вынесен приговор о заключении на десять лет в ИТЛ. Ксения Николаевна была направлена в Локчимлаг НКВД СССР в Коми АССР. Основным занятием заключенных там были лесозаготовительные работы в верховьях реки Вычегды и лесосплав по рекам бассейна Вычегды и Северной Двины. В 1945 г. дело было пересмотрено, и Ксения Николаевна получила освобождение. Вернулась она из лагеря тяжело больным человеком, инвалидом второй группы. В 1945 г. вся семья Зыковых снова смогла собраться вместе.

Ксения Николаевна скончалась в 1980-х годах в Киеве.

**Иерей Лин Владимирович Аникеев,
1946 – 1947 гг.**

Служил в Казанской церкви г. Карпинска с марта 1946 по 1947 г.

Биографическая справка:

Аникеев Лин Владимирович 1894 года рождения;

Место рождения: Свердловская обл., Вагиновский район, с. Логиново;

русский;

место проживания: Свердловская обл., Вагиновский район, с. Логиново;

работал -священник.

Арестован 30.01.1930 г.,

осужден 05.03.1930 г.

Приговор: 5 лет ИТЛ.

Источник: Книга памяти Свердловской обл.

Иерей Виктор Попов, 1948 – 1950 гг.

Иерей Виктор Попов служил в Казанской церкви г. Карпинска с августа 1948 до января 1950 г. В начале 1950 года был переведен в г. Кушву.

На фотографии 1948 г. после отпевания усопшего на паперти Казанской церкви с протоиереем Иоанном Зыковым.

После своего отъезда из Карпинска отец Виктор, как и многие другие батюшки, поддерживал связь с прихожанами Казанской церкви. Отец Виктор переписывался с Александром Федоровичем Воинковым, о чем свидетельствует фотография, присланная им в Карпинск в 1959 году.

На память
А. Ф. Воинкову
Прот. В. Попов
21/1-599.

Фотография
из семейного архива
А.Ф. Воинкова

Надпись на фотографии:
«На память А.Ф. Воинкову.
Прот. В. Попов.
21 сент. 1959 г.»

**Протоиерей Леонид Вениаминович
Бородулин, 1950 г.**

Служил в Казанской церкви
в 1950 году.

Фотография из семейного архива
А.Ф. Воинкова с автографом отца
Леонида:

«На память и добрые воспоминания
Алимпиаде Эвплавне и
Александру Федоровичу
от Бородулиных Леонида и Марии».

Биографическая справка:

Бородулин Леонид Вениаминович 1896 года рождения;

Место рождения: Башкирская АССР, Топорнинский район, с. Топорнино;

русский;

место проживания: Свердловская обл., г. Кушва;

работал - Михайло-Архангельская церковь, протоиерей.

Арестован 01.06.1937 г., осужден 17.10.1937 г.

Приговор: 10 лет ИТЛ

Источник: Книга памяти Свердловской обл.

Отец Леонид Бородулин служил настоятелем Михайловского храма г.Кушвы в 1933-1937 гг., после чего был арестован и приговорен к десяти годам лагерей.

Протоиерей Стефан Булдаков 1952 – 1954 гг.

Еще на одной фотографии, сохранившейся в архиве Александра Федоровича Воинкова и им подписанной (на фото А.Ф. Воинков второй справа), можно увидеть протоиерея Стефана Булдакова (сидит в центре), служившего в Казанской церкви в 1953 г. с членами церковного актива. Слева направо стоят:

пред. ревизионной ком. Анна Николаевна Иванова,
бухгалтер Александра Ивановна Киселева,
казначей Андрей Иванович Виноградов,
староста (?) Александр Федорович Воинков,
помощник старосты Мария Тростина.

Протоиерей Висенте Сидорос Бурзакос
1952-54гг.

Колумбийский Англиканский Викариат
им. Святого Иоанна Крестителя Марии

Имя: Дел Комме. Анна Виконселне Уламола
Бурз. Франклинга Уламола Кресела

Диакон Гавриил Чесноков, 1953 – 1955 гг.

Татьяна Константиновна Любогощинская, певчая
правого хора, регент:

Диакон Гавриил был назначен в Карпинск в 1953 году. С ним приехали его матушка и две взрослые дочери Галя, 1928 г.р., и Люба.

Галина Гаврииловна хорошо пела и сразу встала на клирос.

В 1955 году отец Гавриил уехал в Йошкар-Олу. В 1956 г. уехала и Галина, а Люба осталась в Карпинске и еще какое-то время жила здесь.

Отец диакон писал нам письма, сообщил, что его рукоположили во священники. И еще он позвал нас в Йошкар-Олу, написал, что мы могли бы там, в храме, помогать ему. Мы подумали-подумали, собрались и поехали.

В Йошкар-Оле я пела на клиросе, муж был псаломщиком. Но в 1961 году, когда Хрущев устроил новые гонения на церковь, Воскресенский собор, в котором служил отец Гавриил, и пели мы с Николаем, было решено снести, так как он стоял рядом с Горкомом партии, и статуя Ленина указывала народу на Храм. По указанию властей Храм разобрали, а община получила новое место на окраине города.

Мы сообщили об этом в Карпинск отцу Спиридону, и он написал нам, чтобы мы возвращались. В 1963 году мы вернулись в Карпинск.

Диакон Гавриил Чесноков на фотографии из семейного архива певчей Казанской церкви Нины Александровны Шмаковой.

На солее Казанской церкви стоят слева направо Иван Петрович Тарасов, Нина Александровна Шмакова, диакон Гавриил Чесноков, Мария Степановна Рожкова, иерей Стефан Булдаков, Зоя Васильевна Агафонова, Виктор Александрович Кушкин и Анастасия Ивановна Дюльдина, (конец 1953 – начало 1954 г.)

Протоиерей Арсений Васильевич Дядио, 1956 – 1958 гг.

Служил в Казанской церкви г. Карпинска с 1956 по 1958 г.

В Журнале Московской Патриархии № 8 за 1976 г. в разделе «Вечная память почившим» напечатан некролог, в связи с кончиной в г. Алапаевске протоиерей Арсения Дядио, служившего в Казанской церкви г. Карпинска в период с 1956 по 1958 год. Благодаря этой публикации мы можем узнать краткую биографию отца Арсения, родившегося в 1901 году и приехавшего на наш приход в возрасте 55 лет.

Упомянутый в тексте некролога **протоиерей Павел Стрельников**, бывший в 1975 году настоятелем Екатерининского храма в Алапаевске, так же, как и протодиакон Арсений, служил в Казанской церкви Карпинска вторым священником с марта 1959 по май 1960 г.

⇐ На фотографии летом 1957 года в один из двенадцатых праздников на церковном дворе отец Арсений (крайний справа) стоит с протоиереем Михаилом Воронцовым (в середине первого ряда) и протоиереем Василием Козловым (слева от протодиакона Арсения). Здесь же в первом ряду (слева направо) супруги Любогощинские, Ольга Александровна Кушкина, матушка Мария Воронцова, матушка отца Василия с внучкой и Олимпиада (записана в документах Алимпиада) Евплавна Воинкова; во втором ряду (слева направо) стоят Георгий Константинович Бажин, Иван Петрович Тарасов, Феодосия Стратоновна Мелехина, Андрей Иванович Виноградов и Антонина Яковлевна Надёжина.

В Казанской церкви у Царских врат (слева направо) стоят протодиакон Арсений Дядио, протоиерей Михаил Воронцов и протоиерей Василий Козлов.
1957-1958 гг.

Из некролога:

«Протоиерей Арсений Васильевич Дядио, клирик Свердловской епархии скончался 14 декабря 1975 года на 75-м году жизни.

Родился он в семье клирика на Волыни. В 1918 окончил учительскую семинарию. В 1944 году был рукоположен во диакона. В 1945 году возведен в сан протоиерея и назначен в кафедральный собор во имя святого Юра (великомученика Георгия Победоносца) в г. Львове.

С 1951 года был протоиереем кафедрального собора в честь Рождества Пресвятой Богородицы в г. Винница.

Некоторое время служил в Ставропольской, Курской, Архангельской, Омской, Иркутской епархиях. С 1965 года был клириком Екатерининского храма в г. Алапаевске Свердловской епархии.

Знаток и любитель церковного пения, Арсений Васильевич был почитаем и любим прихожанами г. Алапаевска.

На отпевание отца протоиерея прибыло много верующих. Настоятель алапаевского храма отец Павел Стрельников сказал надгробное слово, отметив истовое служение и глубокую веру Арсения Васильевича».

Протоиерей Василий Козлов 1956 – 1959 гг.

Служил в Казанской церкви г. Карпинска с 1956 по 1959 г. Известно, что отец Василий со своей матушкой в 1930-х годах жили в селе Сеславино Тамбовской области, где у них в 1932 г. родилась дочь Зинаида.

Почти сразу же по приезде в Карпинск, отец Василий начал строить дом по улице Трудовой недалеко от церкви. Как рассказывали соседи, батюшка строил дом добротнo, материал был хороший, и в 1958 году в него заехала жить его дочь Зинаида, приехавшая в Карпинск из Златоуста.

Здесь в Карпинске в марте 1957 года у отца Василия родилась внучка Лида, в 1959 и 1962 – внуки Юрий и Сергей.

Батюшка уехал из нашего города в марте 1959-го, а дочь с семьей жила здесь до 1973 г.

Татьяна Константиновна Любогощинская:

Я была Зининой кумой - нас с отцом Арсением Дядио отец Василий позвал в крестные к его внучке, Зининой дочке Лидочке.

Отец Василий был строгий, служил ревностно, однажды, когда певчие слишком долго и слишком открыто тянули «и ду-ха-а-а-ви твоему», он сказал после службы: «Что ж вы так тянете? Уж не «дУхови твоему», а «духАми» какими-то получается... Хорошо, что не одеколоном!

В церкви сохранился Служебник отца Василия Козлова, на обложке которого написано: «Василий Козлов», а на внутренней стороне - «Петропавловская церковь г. Златоуст».

Фотография из архива А.Ф. Воинкова
Надпись на фотографии: «На молитвенную память
духовному сыну Александру Федоровичу Воинкову от
протоиерея о. Василия. 11 января 1957 г.

Отец Василий Козлов с матушкой (справа), Карпинск (?)

**Дом для церковного причта возле Казанской церкви
1960-е годы**